

Валерий Антонов

**Грамматическая
машина. Том 8:
Парменид и Платон. От
бытия к методу**

Грамматическая машина

Валерий Антонов

**Грамматическая машина.
Том 8: Парменид и Платон.
От бытия к методу**

«Автор»

2026

Антонов В.

Грамматическая машина. Том 8: Парменид и Платон. От бытия к методу / В. Антонов — «Автор», 2026 — (Грамматическая машина)

Восьмой том «Грамматической машины» посвящен анализу двух текстов, стоящих у истока европейской философии: поэмы Парменида Элейского «О природе» и платоновского диалога «Парменид». С помощью операторного метода, разработанного в предыдущих томах, автор последовательно разбирает оба текста, фиксируя грамматические конструкции как конститутивные элементы онтологии. Выявляется фундаментальное различие: исторический Парменид создает архаическую, монистическую «машину», еще не знающую о себе; Платон в одноименном диалоге вводит недостающие операторы (аспектуальное различие, «вдруг»), превращая онтологию в диалектику. Экспертному анализу подвергаются также ключевые интерпретации — от Прокла до аналитической традиции. Том завершается исследованием подлинности диалога и очерчивает дальнюю перспективу применения метода к Аристотелю, Плотину, Гегелю и Хайдеггеру.

Содержание

Введение. Грамматическая машина: замысел, метод, перспективы.	6
§1. Исходное наблюдение и рождение гипотезы.	6
§2. От Аристотеля к Платону: расширение и трансформация метода.	7
§3. Выбор Парменида как начала: обоснование.	8
§4. Что дает соединение Парменида, Платона и Аристотеля.	9
§5. Дальняя перспектива: вехи в истории философии и трансформация Машины.	10
5.1. Парменид: рождение Машины.	10
5.2. Платон: рефлексивный поворот.	10
5.3. Аристотель: формализация каузальных операторов.	10
5.4. Плотин: экстатический модус.	10
5.5. Прокл: схоластическая формализация.	10
5.6. Фома Аквинский: теологический модус.	11
5.7. Декарт: радикальное сомнение и перезапуск Машины.	11
5.8. Спиноза: геометрический модус.	11
5.9. Кант: критический модус и ограничение Машины.	11
5.10. Гегель: исторический модус.	11
5.11. Хайдеггер: деструкция Машины и возвращение к Пармениду.	12
5.12. Витгенштейн: терапия Машины.	12
§6. Что означает эта перспектива для Грамматической машины.	13
§7. Структура книги.	14
§8. Для кого эта книга.	15
Фрагмент DK B3: Тожество мышления и бытия.	28
Греческий текст (полный фрагмент).	28
Грамматическая разметка.	28
Грамматический разбор.	28
Общая структура фрагмента.	28
Частица γάρ: логическая связь с предыдущим.	28
Артикль τό: субстантивация как грамматическая операция.	29
αὐτό: тождество как самотождественность.	29
νοεῖν и εἶναι: два инфинитива как два аспекта одного.	30
Связка ἐστίν: третье лицо без подлежащего.	30
Логическая операция.	31
Метафизический результат.	31
Грамматическая машина: итоги по фрагменту B3.	32
Связь с последующими фрагментами.	32
Фрагмент DK B4: Связь речи, мышления и бытия.	34
Греческий текст (полный фрагмент).	34
Грамматическая разметка.	34
Грамматический разбор.	34
Строка 1: Императив зрения и парадокс отсутствия-присутствия.	34

Строка 2: Онтологическое единство как запрет на разделение.	35
Строки 3–4: Отрицание распределения и соединения как ложных процессов.	35
Логическая операция.	36
Метафизический результат.	36
Грамматическая машина: итоги по фрагменту В4.	37
Связь с последующими фрагментами.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Антонов

Грамматическая машина. Том 8:

Парменид и Платон. От бытия к методу

Введение. Грамматическая машина: замысел, метод, перспективы.

§1. Исходное наблюдение и рождение гипотезы.

Настоящее исследование начинается с наблюдения, которое на первый взгляд может показаться тривиальным, но при ближайшем рассмотрении оборачивается фундаментальным прозрением о природе философского текста. Наблюдение это касается VIII книги «Метафизики» Аристотеля. В этой книге, как удалось заметить, Аристотель не просто излагает учение о сущности. Он демонстрирует, как грамматические операции — субстантивация через артикль, удержание подлежащего при смене предикатов, различение значений предлогов и падежей — порождают фундаментальные онтологические понятия: материю, форму, сущность, потенцию, акт. Грамматика здесь не обслуживает готовую мысль. Она сама производит мысль.

Это наблюдение привело к формулировке исходной гипотезы, которая определила весь дальнейший ход исследования: философский текст платоническо-аристотелевской традиции может быть прочитан как система алгоритмов, в которых грамматическая конструкция выступает входом, логическая операция — процессом, а метафизический результат — выходом. Эта трехчастная связка была названа «алгоритмом» и стала элементарной единицей анализа. Грамматическая машина, построенная на этой основе, представляет собой инструмент, позволяющий восстановить ту скрытую работу, которой произведен философский текст.

§2. От Аристотеля к Платону: расширение и трансформация метода.

Первоначальная разработка метода велась на материале самого Аристотеля. Анализ VIII книги «Метафизики» позволил выделить первые функциональные регистры — устойчивые группы алгоритмов, решающих определенные задачи: конструирование начал, установление границ выразимости, причинная спецификация, ограничение потенции, снятие апории единства. Метод показал свою эффективность, но оставался вопрос: является ли он локальным инструментом, пригодным только для Аристотеля, или же он имеет более широкую сферу применимости?

Ответ потребовал обращения к Платону. Выбор Платона был обусловлен не только его историческим первенством, но и тем обстоятельством, что платоновский корпус представляет собой гораздо более разнообразный в жанровом и методологическом отношении материал. Аристотель в «Метафизике» работает в режиме относительно гомогенного философского трактата. Платон предлагает широкий спектр форм: диалектический диалог, миф, аллегорию, математическое рассуждение, законодательный проект, космологический миф. Испытание метода на этом материале должно было показать, способен ли он работать с различными жанрами и модусами философствования.

Обращение к Платону привело к фундаментальной трансформации самого метода — трансформации, которую можно описать как переход от локального инструмента к универсальной Грамматической машине. При анализе Аристотеля метод работал с относительно гомогенным материалом. Платон потребовал от метода совершенно иного уровня гибкости. Диалоги Платона разворачиваются как живые драмы мысли, где грамматические регистры сменяют друг друга, сталкиваются, вступают в противоречия. Миф внезапно сменяет диалектику, математическая аналогия переходит в этическое предписание, апория разрешается через введение новой дистинкции.

Эта жанровая и методологическая полифония платоновского корпуса заставила перестроить саму архитектуру метода. Если для Аристотеля достаточно было выделить функциональные регистры внутри одной книги, то для Платона потребовалось разработать многоуровневую систему. Базовый уровень составили элементарные алгоритмы, каждый из которых описывает одну конкретную грамматико-логическую операцию. Средний уровень образовали функциональные регистры — тематические блоки, решающие определенные задачи внутри диалога или группы диалогов. Наконец, высший уровень составили мета-регистры — крупные архитектурные единства, соответствующие последовательным фазам работы всей машины. Разработка этой многоуровневой архитектуры открыла возможность не только микро-анализа (на уровне фразы или аргумента), но и макро-анализа (на уровне целого диалога или группы диалогов).

§3. Выбор Парменида как начала: обоснование.

Любое исследование, претендующее на историческую и логическую адекватность, должно ответить на вопрос: с чего начинать? Применительно к Грамматической машине этот вопрос оборачивается не методологической условностью, а строгой необходимостью. Можно было бы начать с Платона. В самом деле, именно его диалоги составили основу для разработки операторного ядра Машины. Можно было бы начать с Аристотеля. Именно с него началось первоначальное движение мысли. Однако ни Платон, ни Аристотель не являются первыми. За ними стоит фигура, без которой их грамматические операции лишаются своего онтологического фундамента. Эта фигура — Парменид Элейский, автор поэмы «О природе».

Почему именно Парменид? Потому что он совершает акт, который можно назвать рождением онтологии из грамматики. До Парменида глагол «быть» использовался в речи как связка или экзистенциальный предикат, не становясь самостоятельным предметом мысли. Парменид спрашивает иначе. Он спрашивает: «Что значит "есть"?» — и отвечает: «"Есть" означает бытие». В этом вопросе и этом ответе грамматическая связка субстантивируется, превращается из служебного элемента языка в верховный онтологический принцип.

С точки зрения Грамматической машины, Парменид осуществляет оператор субстантивации в его чистейшей, еще не рефлексивной форме. Он не просто использует субстантивацию — он открывает ее как философскую операцию. У него нет еще платоновского артикля среднего рода, но синтаксическая позиция инфинитива и причастия выполняет ту же работу с еще большей силой. Парменид также вводит запрет на небытие, бинарную диэрезу (путь бытия и путь небытия), синтез как тождество мышления и бытия, вневременное «ныне» как протоформу «вдруг». У него есть все базовые операторы, но они работают в архаическом, монистическом, еще не рефлексивном режиме. Парменид — это Грамматическая машина в нулевой фазе. Она работает, но не знает, что она работает.

Выбор Парменида в качестве начала не является данью хронологии. Это логическая необходимость. Машина, которая не может прочитать Парменида, не поймет, откуда взялись ее собственные операторы. Машина, которая спутает парменидовский архаический режим с платоновским диалектическим или с неоплатоническим экстатическим, будет проецировать позднейшие наслоения на более ранние тексты.

§4. Что дает соединение Парменида, Платона и Аристотеля.

Соединение Парменида, Платона и Аристотеля в рамках единого метода дает несколько фундаментальных результатов, которые определили всю дальнейшую архитектуру исследования.

Во-первых, это соединение радикально расширяет горизонты применимости метода. Парменидовский материал позволяет анализировать архаическую, до-диалектическую онтологию. Платоновский — диалектический диалог, миф, аллегорию, космологическое построение, законодательный проект. Аристотелевский — философский трактат, категориальный анализ, каузальное объяснение. Метод из локального инструмента превращается в универсальную машину, способную работать с широким спектром философских жанров.

Во-вторых, соединение трех авторов позволяет увидеть единство традиции не как результат исторической реконструкции, а как внутреннее, структурное единство. Парменид, Платон и Аристотель работают на одном и том же базальном наборе операторов. Различия между ними касаются не состава инструментария, а режимов его использования. У Парменида доминируют операторы субстантивации и абсолютного отрицания. У Платона — диэреза, синтез, аспектуальное различие. У Аристотеля — каузальные и дистинктивные операторы. Но машина в основе одна.

В-третьих, соединение трех авторов потребовало разработки многоуровневой архитектуры, которая, в свою очередь, открыла возможность макро-анализа — от отдельной фразы к целому диалогу и, далее, к архитектонике всего корпуса. Это превратило Машину из инструмента микро-анализа в инструмент, способный картировать целые философские системы.

В-четвертых, включение Парменида и Аристотеля позволило выявить и описать те операторы и режимы работы, которые у Платона либо отсутствуют, либо присутствуют в редуцированном виде. Речь идет прежде всего об операторе абсолютной связки у Парменида, об операторе потенции-акта у Аристотеля, об операторе «вдруг» у Платона, достигшем своей полной формы.

§5. Дальняя перспектива: вехи в истории философии и трансформация Машины.

Исследование, представленное в этой книге, не замыкается на античности. Оно открывает дальнюю перспективу, в которой Грамматическая машина может быть применена к ключевым фигурам европейской философии. Каждый великий философ, как будет показано, не просто использует Машину — он ее трансформирует. Он меняет режимы работы операторов, добавляет новые, подавляет старые. И эти трансформации, в свою очередь, меняют то, как читаются и понимаются предшествующие тексты.

5.1. Парменид: рождение Машины.

Парменид создает Машину в ее архаической, еще не рефлексивной форме. Его операторы: субстантивация бытия, бинарная дизереза, синтез как тождество, абсолютное отрицание, вневременное «ныне». Машина работает, но не знает, что она работает. Она производит истину, но не рефлегирует над своим производством. Парменидовский текст читается современниками как откровение — богиня говорит, и философ слушает. Чтение — это пассивно: истина принимается, а не добывается.

5.2. Платон: рефлексивный поворот.

Платон в диалоге «Парменид» заставляет саму Машину стать предметом анализа. Он добавляет аспектуальное различие, превращает бинарную дизерезу в многоступенчатую, вводит «вдруг» в полной форме, добавляет рефлексивный мета-уровень. Платоновский текст читается иначе: это уже не откровение, а исследование. Читатель не принимает истину — он учится методу. Истина становится результатом процедуры, а не данностью. Это переворот в чтении.

5.3. Аристотель: формализация каузальных операторов.

Аристотель формализует каузальные операторы (действующая причина, целевая причина, материальная причина, формальная причина). Он вводит оператор потенции-акта, который у Платона был только в зародыше. Он систематизирует дистинктивные операторы. Аристотелевский текст читается как научный трактат: истина доказывается, а не открывается и не исследуется. Чтение становится аналитическим: нужно следовать за дедукцией, проверять посылки, оценивать выводы.

5.4. Плотин: экстатический модус.

Плотин переводит Машину в экстатический модус. Синтез становится не соединением разных, а слиянием в Едином. Отрицание становится не запретом, а методом очищения. «Вдруг» становится моментом мистического единения. Платиновский текст читается как руководство к духовному восхождению. Чтение становится практикой: нужно не понять, а преобразиться. Текст читается не глазами, а «умом» (в платиновском смысле).

5.5. Прокл: схоластическая формализация.

Прокл превращает Машину в строгую дедуктивную систему. Каждый тезис доказывается из предыдущих. Операторы работают с безошибочной точностью. Прокловский текст читается как математическое доказательство. Чтение становится формальным: нужно следить за логикой выводов, проверять непротиворечивость, систематизировать. Это чтение схоластов и комментаторов.

5.6. Фома Аквинский: теологический модус.

Фома вводит Машину в теологический контекст. Структура *articulus'a* — это мета-алгоритм, который организует работу всех остальных операторов. Аналогия сущего (*analogia entis*) — это работа оператора аналогии в модусе, который позволяет говорить о Боге, не впадая ни в однозначность, ни в двусмысленность. Фомин текст читается как схоластический компендиум: истина дана в откровении, но разум должен ее прояснить. Чтение становится балансированием между верой и разумом.

5.7. Декарт: радикальное сомнение и перезапуск Машины.

Декарт пытается перезапустить Машину на новых основаниях. *Cogito ergo sum* — это попытка найти абсолютно надежный оператор синтеза, который не может быть поставлен под сомнение. Декарт вводит оператор радикального сомнения, который блокирует все другие операторы, чтобы затем восстановить их на новом фундаменте. Декартов текст читается как драма: читатель проходит путь сомнения вместе с автором. Чтение становится экзистенциальным: нужно решиться на сомнение, чтобы обрести уверенность.

5.8. Спиноза: геометрический модус.

Спиноза доводит формализацию Машины до предела. «Этика, изложенная геометрическим способом» — это Машина, работающая в режиме аксиоматической системы. Каждый шаг строго обоснован, каждое следствие вытекает из предыдущего с необходимостью. Спинозистский текст читается как математическое доказательство. Чтение становится техническим: нужно понимать определения, аксиомы, теоремы. Но за этой техникой скрывается этика: чтение должно привести к «интеллектуальной любви к Богу».

5.9. Кант: критический модус и ограничение Машины.

Кант совершает ревизию Машины. Он показывает, что операторы работают только в сфере возможного опыта. За пределами этой сферы они порождают антиномии. Кант вводит трансцендентальный оператор, который задает границы применимости всех других операторов. Кантовский текст читается как критическое исследование: нужно выявить условия возможности познания и его границы. Чтение становится профессиональным: нужно понимать аппарат трансцендентальной философии, различать аналитическое и синтетическое, априорное и апостериорное.

5.10. Гегель: исторический модус.

Гегель вводит темпоральное измерение в саму Машину. Операторы работают не в вечности, а в истории. Истина не дана раз и навсегда — она разворачивается во времени. «Феноменология духа» — это Машина, которая пишет свою собственную историю. Гегелевский текст читается как эпос: нужно пройти путь сознания от чувственной достоверности до абсолютного

знания. Чтение становится историческим: нужно понять, как истина становится собой через свое иное.

5.11. Хайдеггер: деструкция Машины и возвращение к Пармениду.

Хайдеггер пытается вернуться к парменидовскому началу «до» платонической традиции. Он вводит онтологическое различие — оператор, который отличает бытие от сущего. Но это различие, как показала Машина, уже было у Парменида в зародыше. Хайдеггеровский текст читается как вопрошание: нужно не получать ответы, а научиться ставить вопрос о бытии. Чтение становится поэтическим: язык должен сказать то, что не может быть сказано в proposition.

5.12. Витгенштейн: терапия Машины.

Витгенштейн в «Логико-философском трактате» пытается формализовать Машину до предела, чтобы показать границы языка. В «Философских исследованиях» он разрушает Машину и заменяет ее теорией языковых игр. Витгенштейновский текст читается как терапевтическое упражнение: нужно не строить теории, а растворять псевдопроблемы. Чтение становится самопознанием: нужно понять, как язык запутывает мысль, и научиться распутывать узлы.

§6. Что означает эта перспектива для Грамматической машины.

Дальняя перспектива, намеченная выше, показывает, что Грамматическая машина не является статичным инструментом. Она эволюционирует вместе с философской традицией. Каждый великий философ не просто использует Машину — он ее трансформирует. Он меняет режимы работы операторов, добавляет новые, подавляет старые. И эти трансформации, в свою очередь, меняют то, как читаются и понимаются предшествующие тексты.

Парменид читается иначе после Платона. Платон читается иначе после Плотина. Аристотель читается иначе после Фомы. Декарт читается иначе после Канта. Кант читается иначе после Гегеля. Гегель читается иначе после Хайдеггера. История философии — это история того, как Грамматическая машина переписывает свои собственные операционные инструкции, читая свои предыдущие состояния.

Задача Грамматической машины, как она задумана в этом исследовании, — не дать окончательный ответ, а предоставить инструмент для дальнейшего вопрошания. Машина не завершает философию. Она делает философию возможной. Она показывает, что за каждым философским утверждением стоит грамматическая операция, и что понимание этой операции есть условие возможности адекватного понимания самого утверждения.

§7. Структура книги.

Книга построена таким образом, чтобы читатель мог последовательно пройти весь путь, проделанный в исследовании.

Часть первая (главы 1–10) содержит последовательный анализ диалогов Платона — от «Государства» до «Крития». Этот анализ составляет основу для разработки операторного ядра Машины. Каждая глава посвящена одному диалогу или группе диалогов, выделяет работающие в них регистры и показывает их место в общей архитектонике платоновского проекта.

Часть вторая (главы 11–15) посвящена космологической, эсхатологической и диалектической линиям Платона. «Тимей» анализируется как космологическая проекция Машины, «Критий» — как операция материализации идеала. «Парменид», «Теэтет» и «Софист» анализируются как лаборатория чистой эпистемологии и диалектического метода.

Часть третья (главы 16–18) посвящена неоплатонической традиции — Плотину и Проклу. Анализ трактата Плотина VI.9 показывает, как Машина переходит в экстатический модус. Анализ «Первооснов теологии» Прокла демонстрирует полную формализацию Машины.

Часть четвертая (главы 19–20) содержит верификацию метода и дополнительные проверки на различных жанрах и языках. Доказывается универсальность Машины и одновременно очерчиваются границы ее применимости.

Часть пятая (главы 21–24) посвящена анализу интерпретаций. Последовательно разбираются работы Лосева, Шичалина, Бугая, Месяц, а также западных школ (Властос, Бриссон, Кремер). С помощью Машины выявляются операторные профили каждого исследователя и измеряется их удаление от платоновского оригинала.

Часть шестая (главы 25–27) представляет окончательную архитектуру Грамматической машины — сорок пять алгоритмов, двадцать шесть функциональных регистров, семь метарегистров — и подробную инструкцию по ее применению на всех трех уровнях анализа.

Часть седьмая (главы 28–30) — это полный анализ поэмы Парменида и диалога Платона «Парменид» с помощью Машины, включая экспертный обзор комментаторской традиции, анализ гипотез и исследование подлинности диалога.

Заключение подводит итоги исследования и намечает перспективы дальнейшей работы, включая применение Машины к другим ключевым фигурам в истории философии (Аристотель, Плотин, Прокл, Фома, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Хайдеггер, Витгенштейн), по которым уже написаны отдельные книги или планируются.

§8. Для кого эта книга.

Эта книга предназначена для всех, кто интересуется античной философией, историей платонической традиции, методологией чтения философских текстов. Она может служить учебным пособием для студентов и аспирантов, изучающих Платона, Аристотеля, неоплатоников, а также для всех, кто хочет научиться читать философские тексты не пассивно, а активно — восстанавливая ту грамматическую работу, которой эти тексты произведены.

Автор надеется, что Грамматическая машина окажется не просто еще одним инструментом в арсенале историка философии, но послужит раскрытию самого существа платонической традиции как традиции, в которой мысль и язык, онтология и грамматика, логика и риторика неразрывно связаны и взаимно обосновывают друг друга. В этой традиции нет «содержания», отдельного от «формы». Нет «идей», отделенных от слов, которые их выражают. Есть только одна реальность — логос, в котором бытие говорит само себя. Грамматическая машина — это инструмент, позволяющий услышать, как это говорит.

Понять философа значит восстановить ту грамматическую работу, которой произведен его текст, и запустить его машину в собственном мышлении. Если эта книга поможет читателю сделать это — она выполнила свою задачу.

Обзор Грамматической машины (по материалу седьмого тома).

Что такое Грамматическая машина.

Грамматическая машина — это инструмент для анализа философских текстов, разработанный на материале платонической традиции. Ее основная идея проста и вместе с тем радикальна: **грамматика не является внешней оболочкой мысли**. Она не просто «выражает» готовое содержание. Грамматика сама производит это содержание. Артикль, падеж, предлог, союз, наклонение глагола — все эти, казалось бы, служебные элементы языка выполняют в философском тексте концептуальную работу.

Каждая устойчивая грамматическая конструкция может быть прочитана как трехчастный алгоритм:

Грамматический вход → Логическая операция → Метафизический результат.

Задача Машины — восстановить эту работу. Не просто понять, *что* сказал философ, но *как* он это сказал — и как само это «как» порождает то, что он говорит.

Откуда она взялась.

Машина была построена индуктивно. Исходным материалом послужила VIII книга «Метафизики» Аристотеля. В ней исследователь обратил внимание на то, как Аристотель использует грамматические средства — субстантивацию через артикль, удержание подлежащего при смене предикатов, различение значений предлогов и падежей — для порождения фундаментальных онтологических понятий: материи, формы, сущности, потенции, акта.

Затем метод был применен к диалогам Платона. Это был решающий шаг. Платоновский корпус оказался гораздо разнообразнее аристотелевского трактата: здесь и диалектический спор, и миф, и аллегория, и математическое рассуждение, и космологическое построение. Испытание метода на этом материале потребовало его фундаментальной трансформации — от локального инструмента к универсальной Машине.

В дальнейшем Машина была проверена на неоплатонической традиции (Плотин, Прокл), на средневековой схоластике (Фома Аквинский), на различных жанрах (комментарий, миф, гимн), на разных языках (греческий, латинский). Везде она показала свою работоспособность.

Как она устроена: три уровня.

Машина имеет трехуровневую архитектуру. Переходя от уровня к уровню, исследователь движется от микроанализа (отдельная фраза) к макроанализу (целый диалог или группа диалогов).

Уровень первый: базовые алгоритмы.

Это «атомы» Машины — 45 элементарных операций, которые невозможно разложить на более простые. Каждый алгоритм описывает одну конкретную грамматическую конструкцию, ту логическую операцию, которую она запускает, и тот метафизический результат, к которому она приводит.

Алгоритмы сгруппированы в шесть классов по их функции.

Первый класс — конститутивные операторы. Они порождают новые понятия из грамматического материала. Главный среди них — **субстантивация** (обозначается A1-SUBST). Когда философ пишет «справедливое» (τὸ δίκαιον) с артиклем среднего рода, он превращает качество («справедливый») в самостоятельный предмет исследования («справедливость как таковая»). Без этой операции невозможна никакая онтология. Другие операторы этого класса: **диэреза** (A2-DIAER) — строгое бинарное деление рода на виды (например, «знание есть либо ощущение, либо мнение, либо разум»); **синтез** (A3-SYNTH) — соединение имени и глагола в осмысленное высказывание, порождающее логос; **аналогия** (A4-ANALOG) — перенос структурного отношения с одной области на другую (город относится к душе так же, как крупный шрифт к мелкому).

Второй класс — дистинктивные операторы. Они вводят тонкие смысловые различия, позволяющие избежать логических ошибок. Главный среди них — **аспектуальное различие** (B2-KATH). Его грамматический вход — конструкция «поскольку» (ἤ, καθ' ὅσον). Эта операция позволяет приписывать одному и тому же субъекту противоположные свойства, разводя аспекты: «душа, *поскольку* причастна уму, бессмертна, *поскольку* причастна телу, смертна». Без этого оператора платоновская диалектика была бы невозможна. Другой важный оператор этого класса — **«вдруг»** (B5-EKAIPTNES) — фиксация вневременной точки перехода, того мгновения, которое не принадлежит ни прошлому, ни будущему, ни движению, ни покою.

Третий класс — аналитические операторы. Они служат для проверки понятий и аргументов через доведение до абсурда или выявление противоречий. Главный среди них — **доведение до абсурда** (C1-APAGOGÉ): принятие тезиса оппонента и демонстрация того, что из него с необходимостью следуют неприемлемые выводы. Другой важный оператор — **апория целого и частей** (C2-APORIA-MEROS): вопрос о том, находится ли идея целиком в каждой вещи или только ее частью, — вопрос, который, как показал Платон, ведет к регрессу в бесконечность (знаменитый аргумент «Третьего человека»).

Четвертый класс — каузальные операторы. Они устанавливают причинно-следственные связи и телеологические основания. Главные из них: **ближайшая причина** (D1-CAUSA) — отделение сущностной причины от сопутствующих обстоятельств (врач лечит не ради денег, а ради здоровья); **телеология** (D2-TELOS) — объяснение вещи через ее цель (глаза даны, чтобы видеть, а не просто есть органы).

Пятый класс — операторы трансформации. Они описывают процессы изменения, развития и упадка. Главные из них: **генеалогия** (E1-GEN) — демонстрация того, как чрезмерное развитие собственного принципа ведет к гибели и переходу в противоположное (олигархия гибнет от чрезмерной любви к богатству, демократия — от чрезмерной свободы); **обращение души** (E2-PERIAGOGÉ) — описание переориентации всей души от мира становления к миру бытия, то есть того, что Платон называет подлинным образованием.

Шестой класс — синтетические операторы. Они создают сложные концептуальные модели — образы, аллегории, мифы. Главные из них: **пластическая модель** (F1-IMAGE) — перевод психологической или онтологической структуры в наглядный образ (душа-химера из девятой книги «Государства»); **аллегория** (F3-ALL) — многослойный образ, каждый элемент которого имеет строгую онтологическую значимость (Пещера); **эсхатологический миф** (F4-

ESCH) — нарратив о посмертной судьбе души, придающий этическому выбору космический масштаб (миф об Эре).

Уровень второй: функциональные регистры.

Алгоритмы редко работают поодиночке. Они собираются в устойчивые группы, каждая из которых решает определенную философскую задачу. Эти группы называются функциональными регистрами. Всего их выделено двадцать шесть.

Приведем несколько примеров.

Регистр 1: Конструирование начал. Этот регистр порождает базовые понятия (субстрат, материя, форма) через субстантивацию и удержание субъекта при смене предикатов. Он работает в начале диалога, когда предмет исследования только устанавливается.

Регистр 5: Снятие апории единства. Этот регистр решает вопрос о том, как множество частей может образовывать одно целое. Ответ: единство обеспечивается не внешней скрепой, а внутренней формой или функцией. Пример: справедливость есть здоровье души — не внешнее добавление, а то, что делает душу способной к хорошей жизни.

Регистр 14: Учреждение онтологии и фигура философа-правителя. Этот регистр проводит строгое различие знания и мнения, бытия и становления, определяет философа как того, кто «любит само бытие», и обосновывает его право на власть.

Регистр 21: Генеалогия несправедливости. Этот регистр описывает динамическую морфологию зла: как каждая форма правления гибнет от чрезмерного развития своего же принципа и как этот упадок изоморфен упадку души.

Регистр 26: Эсхатологическая легитимация справедливости. Этот регистр доказывает бессмертие души и через миф об Эре помещает этический выбор в перспективу вечности.

Уровень третий: мета-регистры.

Функциональные регистры, в свою очередь, объединяются в семь мета-регистров — крупных архитектурных блоков, соответствующих последовательным фазам работы всей Машины.

Мета-регистр I: Пропедевтика и критика языка. Его задача — расчистить почву, демонтировать ложные концепции и наивные теории познания (сенсуализм, релятивизм, эмпиризм). Он работает преимущественно в деструктивном режиме. Ключевой вопрос: «Почему ходячие мнения и ощущения не могут быть основанием для знания?» Пример: весь диалог «Теэтет», где три определения знания последовательно опровергаются.

Мета-регистр II: Политическая онтология. Его задача — применить диалектический метод к конструированию идеального общества и души. Ключевой вопрос: «Какова онтологическая структура справедливой души и справедливого государства?» Пример: «Государство» Платона, книги II–IV и VIII–IX.

Мета-регистр III: Метафизика и эпистемология. Его задача — укоренить этико-политический проект в абсолютном основании через теорию идей и Идею Блага. Ключевой вопрос: «На каком абсолютном основании покоится знание и бытие?» Пример: «Государство», книги V–VII (аналогия Солнца, Разделенная Линия, аллегория Пещеры).

Мета-регистр IV: Диалектический органон. Его задача — превратить диалектику в универсальный метод, способный разрешать фундаментальные онтологические парадоксы. Ключевой вопрос: «Как возможно мыслить небытие, ложь и причастность многого единому без противоречия?» Пример: «Парменид» (гимнастика гипотез) и «Софист» (отцеубийство Парменида, общение родов).

Мета-регистр V: Космология и антропология. Его задача — применить онтологический аппарат к построению физического мира и человека. Ключевой вопрос: «Как вечные идеи воплощаются в становящемся космосе и в человеческой природе?» Пример: «Тимей» (космос как живое существо) и «Критий» (идеальное государство в истории).

Мета-регистр VI: Грамматика как онтология. Его задача — продемонстрировать, что сама структура языка отражает структуру бытия. Ключевой вопрос: «Как устройство логоса отражает устройство сущего и делает возможной истину?» Пример: центральная часть «Софиста», где логос определяется как сплетение имени и глагола, а истина и ложь — как правильное или неправильное сплетение.

Мета-регистр VII: Эсхатология и этос. Его задача — придать всей системе этическое и сотериологическое измерение, окончательно оправдать справедливую жизнь через космическое воздаяние. Ключевой вопрос: «Почему справедливая жизнь является единственно счастливой в масштабе вечности?» Пример: конец «Государства» (миф об Эре) и экскурс из «Теэтета» (уподобление богу).

Что Машина делает с текстом.

Применение Машины к философскому тексту — это не механическая процедура и не замена чтения формальной разметкой. Это **активная реконструкция** той работы, которой текст произведен.

Исследователь, вооруженный Машиной, читает не «о чем говорит философ», а «как философ говорит». Он обращает внимание на артикли, на связку «есть», на падежи, на союзы «если — то», на отрицания. Он спрашивает: какая грамматическая конструкция здесь использована? Какую логическую операцию она запускает? К какому метафизическому результату это ведет?

Оказывается, что платоновское «само прекрасное» (*αὐτὸ τὸ καλόν*) — это не просто термин, а результат операции субстантивации, превращающей предикат в субъект. Аристотелевское «то, что есть» (*τὸ τί ἦν εἶναι*) — не просто определение сущности, а фиксация результата той же операции на пределе. Платиновский каскад отрицаний («ни то, ни другое, ни третье») — не мистическая бессмыслица, а последовательное применение оператора отрицания для очищения понятия Единого от всех предикатов.

Что Машина позволяет увидеть.

Во-первых, **единство традиции.** Платон, Аристотель, Плотин, Прокл, Фома Аквинский работают на одной и той же Машине. Различия между ними — не в наборе операторов, а в режимах их использования: у кого-то доминируют аналитические операторы, у кого-то — каузальные, у кого-то — синтетические модели.

Во-вторых, **различия между интерпретациями.** Применяя Машину к работам исследователей платонизма, можно увидеть, что Лосев систематически переводит логические операторы Платона в регистр пластических образов и экстатических синтезов, тогда как Шичалин, Бугай, Месяц работают в режиме, близком к самому Платону. Машина не говорит, кто «прав», но точно показывает, в чем именно состоит различие их подходов.

В-третьих, **границы применимости.** Машина работает внутри традиции, основанной на корреляции грамматических и онтологических структур. Она не работает или работает ограниченно на текстах, которые сознательно разрушают эти корреляции — в радикальном скептицизме, в некоторых направлениях современной философии. Однако она способна анализировать даже скептический текст — как систематическую блокировку собственных операторов.

Что дальше.

После этого обзора читатель, не знакомый с седьмым томом, имеет достаточное представление о Грамматической машине: что она такое, как устроена, какие операторы входят в ее базовый инструментарий, как регистры и мета-регистры организуют ее работу на разных уровнях.

Теперь можно перейти к главному — к анализу Парменида Элейского как первой, архаической инстанции самой Машины. Того Парменида, который еще не знает, что он строит машину, но который своим запретом на небытие и своим отождествлением мышления и бытия

задает все основные координаты, внутри которых будет двигаться платоническая традиция на протяжении почти тысячи лет.

Поэма Парменида «О природе» (Περὶ φύσεως).

Фрагмент DK B1: Пролог — поездка на колеснице.

Греческий текст (строки 1–32, избранные ключевые строки).

Ἴπποι ταί με φέρουσιν, ὅσον τ' ἐπὶ θυμὸς ἵκοιτο,
πέμπων, ἐπεὶ μ' ἐς ὁδὸν βῆσαν πολύφημον ἄγουσαι
δαίμονος, ἥ κατὰ πάντα' ἄστη φέρει εἰδότα φῶτα·
τῇ φερόμην· τῇ γάρ με πολύφραστοι φέρον ἵπποι
ἄρμα τιταίνουσai, κοῦραι δ' ὁδὸν ἡγεμόνευον.

...

ἔνθα πύλαι Νυκτός τε καὶ Ἥματός εἰσι κελεύθων,
καὶ σφας ὑπέρθυρον ἀμφὶς ἔχει καὶ λάινος οὐδός·
αὐταὶ δ' αἰθέριαι πλῆνται μεγάλοισι θυρέτροις·
τῶν δὲ Δίκη πολύποινος ἔχει κληῖδας ἀμοιβούς.

...

τῇ με φέρουσai πολλὰ φράζουσai κοῦραι
ὥς ἀμαυρὸν ἀπωσάμεναι κρηδέμενον.

...

χαίρουσ', οὐ γάρ σε μοῖρα κακὴ προὔπεμπε νέεσθαι
τήνδ' ὁδόν, ἀλλὰ θέμις τε δίκη τε.

χρὴ σε πάντων ἡμὲν ἀληθείας εὐκυκλέος ἀτρεμεῖς ἦτορ
ἡδὲ βροτῶν δόξας, ταῖς οὐκ ἔνι πίστις ἀληθής,
εἰδέναι.

Грамматическая разметка.

[F1-IMAGE: mode=archaic] Ἴπποι ταί με φέρουσιν... (Кони несут меня — ввод пластической модели)

[META-NARR] δαίμονος... (Богиня — легитимация источника знания)

[B5-EXAIPHNES: proto-form] τῇ φερόμην... (По ней я несся — фиксация пути как единого)

[A1-SUBST: mode=proto] πύλαι Νυκτός τε καὶ Ἥματός (Врата Ночи и Дня — первая субстантивация времени как сущности)

[A1-SUBST: mode=proto] Δίκη (Правда-Справедливость — персонифицированная онтологическая инстанция)

[A2-DIAER: mode=binary] πάντων... ἡμὲν ἀληθείας... ἡδὲ βροτῶν δόξας (всего: с одной стороны — истины, с другой — мнений смертных)

[L-COP: mode=ontological] ταῖς οὐκ ἔνι πίστις ἀληθής (в которых нет веры истинной — связка отрицания бытия)

[D2-TELOS: mode=proto] χρὴ σε... εἰδέναι (должно тебе... знать — целевое долженствование, задающее цель всего пути)

Грамматический разбор

Строки 1–3. Начало поэмы — императив пластической модели: F1-IMAGE в архаическом модусе. Кони, колесница, дорога, богиня — все это не просто литературное украшение. Грамматически это оформлено через анафору и эмфатическое положение подлежащего.

Форма ἵπποι (кони) в именительном падеже, вынесенная в начало строки, сразу задает субъект действия. Глаголы φέρουσιν (несут) и πέμψον (послали) — активный залог, третье лицо множественного числа, указывают на движущую силу, внешнюю по отношению к повествователю. Повествователь — не агент, а пациенс. Его везут. Это пассивная конструкция, грамматически маркирующая онтологическую подчиненность: истина не добывается, а открывается.

Строки 8–10. πύλαι Νυκτός τε καὶ Ἡμεράς — врата Ночи и Дня. Здесь впервые в истории философии происходит субстантивация времени как сущности. Νύξ (Ночь) и Ἡμέρα (День) — не просто явления, а онтологические инстанции, имеющие свои врата. Артикль отсутствует (архаический греческий), но субстантивация достигается через позицию в родительном падеже (Νυκτός, Ἡμεράς) и через союз τε καὶ, связывающий их как два равноправных начала. Это A1-SUBST в прото-форме, без артикля, но с той же функцией.

Строка 14. Δίκη — Правда-Справедливость. Это не абстрактное понятие, а богиня, держащая ключи. Но в грамматическом плане это та же операция субстантивации, что и у Платона с τὸ δίκαιον, только в персонифицированном, еще не отрефлексинованном виде. Глагол ἔχει (держит) — активный залог, настоящее время, третье лицо. Δίκη — агенс, активный держатель онтологических ключей.

Строки 28–32. Ключевой фрагмент для всей последующей философии. Богиня обращается к повествователю. Конструкция χρή σε... εἰδέναι (должно тебе... знать) — безличный оборот долженствования с дативом лица. Это D2-TELOS в прото-форме: путь имеет цель, и эта цель — знание.

πάντων — родительный падеж, «всего». Затем следует дизъюнкция ἤμιν... ἢδέ (с одной стороны... с другой). Это A2-DIAER в бинарном режиме, архаическая форма платоновского πότερον... ἢ. Две части: ἀληθείας εὐκυκλέος ἀτρεμέος ἦτορ (истины хорошо-округлой недвижимое сердце) и βροτῶν δόξας (мнения смертных). Первое — в родительном падеже, второе — в винительном. Грамматическая асимметрия значима: истина — то, «чего» (часть от целого), мнения — то, «что» (прямой объект). Истина имеет внутреннюю структуру (ἀτρεμέος ἦτορ — недвижимое сердце), мнения — просто перечисляются.

Связка οὐκ ἔνι (не существует, букв. «не есть в») для мнений: ταῖς οὐκ ἔνι πίστις ἀληθῆς (в которых нет веры истинной). Это L-COP в онтологическом режиме с отрицанием. Мнения *не имеют* в себе истины — не как свойство, а как онтологическую составляющую. Грамматика предлога ἔνι (ἐν + ἐστι) буквально означает «есть внутри». У мнений нет ничего внутри, что было бы истиной.

Логическая операция

Пролог выполняет несколько логических операций, которые можно реконструировать.

Первое: легитимация источника знания. Повествование от первого лица, но с пассивными конструкциями («меня несут») означает, что знание не добыто активным исследованием, а дано откровением. Богиня (δαίμων, позже θεά) — авторитетный источник. Это мета-оператор META-NARR, который в платонических диалогах примет форму обрамляющей беседы (как в «Пармениде» у Платона или в «Теэтете» у Евклида). Здесь его архаическая версия: божественное откровение вместо цепочки свидетелей.

Второе: установление бинарной онтологической структуры. ἤμιν... ἢδέ задает два и только два пути: путь истины и путь мнения. Третьего не дано. Это дизреза в ее чистом, бинарном, еще не рефлексивном виде. Платон в «Софисте» добавит третье (искусство, софистика, философия), а затем начнет делить внутри каждого. Парменид останавливается на двух.

Третье: телеологическое задание. χρή... εἰδέναι — знание не просто констатируется как возможное, а предписывается как цель. Дорога ведет к знанию, и повествователь *должен* пройти ее до конца. Это прото-телеология, еще не имеющая аристотелевской формальной строгости, но уже задающая направление движения.

Метафизический результат

Пролог дает три фундаментальных результата, которые войдут в плоть всей последующей платонической традиции.

Результат первый: знание имеет онтологическую структуру, и эта структура бинарна. Есть истина, и есть мнение. Истина едина, неподвижна, совершенна («хорошо-округлая», «недвижное сердце»). Мнения множественны, изменчивы, лишены внутренней истины. Это различие Платон в «Государстве» (книги V–VII) превратит в строгую эпистемологическую иерархию (знание — мнение, бытие — становление), а в «Теэтете» подвергнет критическому испытанию. Но основа заложена здесь.

Результат второй: путь к истине — это путь, на котором повествователь не является активным агентом. Его ведут. Истина открывается, а не добывается. Это определит платоническое понимание философии как «воспоминания» (ἀνάμνησις) и как «обращения» (περιαγωγή) — поворота всей души, а не активного исследования. Сократ в «Теэтете» будет называть себя «повивальной бабкой», помогающей другим родить истину, но сам не рождающей. Это пассивное измерение философского знания восходит к парменидовскому прологу.

Результат третий: время (Ночь и День) впервые субстантивируется как онтологическая инстанция. У Парменида это еще врата, у Платона в «Тимее» это станет «подвижным образом вечности», а у Плотина — последней эманацией Единого. Но первый шаг — грамматическая субстантивация времени через родительный падеж и союз τε καί — сделан именно здесь.

Пролог задает всю архитектуру поэмы: путь, бинарное деление, телеологическую направленность, авторитетный источник. Грамматическая машина фиксирует здесь работу операторов F1-IMAGE, A2-DIAER, D2-TELOS, A1-SUBST и META-NARR в их архаических, еще не рефлексивных модусах. Следующий фрагмент — B2, где богиня начинает излагать само учение о путях.

Фрагмент DK B2: Два пути — есть и не есть.

Греческий текст (полный фрагмент).

εἰ δ' ἄγ' ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,
αἴπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
Πειθοῦς ἐστι κέλευθος (ἀληθείῃ γὰρ ὀπηδεῖ),
ἢ δ' ὥς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὥς χρεὼν ἐστι μὴ εἶναι,
τὴν δὴ τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπόν·
οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὼν (οὐ γὰρ ἀνυστόν)
οὔτε φράσαις.

Грамматическая разметка.

[META: mode=proto] εἰ δ' ἄγ' ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας
(формула перехода к учению — мета-оператор, фиксирующий начало изложения)

[A1-SUBST: mode=proto] αἴπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι
(субстантивация «путей» как онтологических альтернатив)

[HYP: 1] ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι
(первая гипотеза — путь бытия)

[L-COP: mode=ontological] ἔστιν
(связка «есть» в абсолютном, не-предикативном режиме)

[L-NEG: mode=absolute] οὐκ ἔστι μὴ εἶναι
(двойное отрицание, утверждающее невозможность небытия)

[A1-SUBST: mode=personified] Πειθοῦς... κέλευθος
(субстантивация Пути Убеждения как онтологической инстанции)

[L-COP: mode=ontological] ἀληθείη γὰρ ὁπτηδεῖ
(связка сопровождения — истина сопровождает путь бытия)

[HYP: 2] ἡ δ' ὥς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὥς χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι
(вторая гипотеза — путь небытия)

[L-NEG: mode=absolute] οὐκ ἔστιν
(отрицание бытия как абсолютное)

[L-COP: mode=deontic] χρεὼν ἔστι
(связка долженствования — «должно не быть»)

[C1-APAGOGUE: mode=proto] τὴν δὴ τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπὸν
(путь небытия объявляется «совершенно неразличимой тропой» — первое фиксация апории)

[C3-APORIA-PSEUDOS: mode=proto] οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἔδν (οὐ γὰρ ἀνυστόν)
οὔτε φράσαις
(апория небытия: нельзя ни познать, ни высказать)

Грамматический разбор.

Строка 1: Метка перехода.

εἰ δ' ἄγ' ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας

Эта строка выполняет не онтологическую, а **мета-онтологическую** функцию. Разберем каждую часть.

εἰ δ' ἄγ' — формула побуждения, буквально «ну же, давай». εἰ (если) здесь не условное, а усилительное. ἄγ' — императив от ἄγω (веду, веду). Вместе: «а ну-ка» или «так вот». Это грамматический маркер **начала изложения учения**, аналогичный платоновскому ἄγε δὴ или аристотелевскому λέγωμεν δὴ. Грамматическая машина фиксирует это как META: mode=proto — мета-оператор в архаическом модусе, указывающий на смену регистра от повествования (пролог) к доктринальному изложению.

ἐγὼν ἐρέω — «я скажу». ἐρέω — будущее время, первое лицо, активный залог от εἶρω (говорю). Будущее время здесь значимо: это не сообщение о текущем положении дел, а **предвосхищение истины**, которая будет развернута в речи. Грамматически это контрастирует с настоящим временем в описании бытия (ἔστιν). Будущее принадлежит речи, настоящее — бытию.

κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας — «восприми же ты, выслушав слово». κόμισαι — императив аориста среднего залога от κομίζω (заботиться, принимать). Средний залог означает «для себя» — слушатель должен принять слово **в себя**. μῦθον — здесь не «миф» в противоположность λόγος, а просто «речь», «сказание». Но для последующей традиции это слово станет ключевым: платоновский «миф» как форма философского дискурса восходит к парменидовскому μῦθος. ἀκούσας — причастие аориста активного залога, согласованное с σὺ (ты). «Выслушав» — предшествует восприятию. Порядок: слушание → принятие. Это грамматическая модель

философского ученичества, которая через Сократа и Платона дойдет до неоплатонических школ.

Строка 2: Субстантивация путей как онтологической альтернативы.

αἴτερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός ἐῖσι νοῆσαι

αἴτερ — усилительная частица + относительное местоимение «которые именно». ὁδοὶ — пути, именительный падеж множественного числа. μοῦναι — единственные, исключительные. διζήσιός — родительный падеж от διζήσις (искание, исследование). ἐῖσι — связка «суть», третье лицо множественного числа настоящего времени. νοῆσαι — инфинитив аориста от νοέω (мыслить, понимать). Буквально: «которые именно пути единственные искания суть для-мышления».

Грамматическая операция: **субстантивация пути как онтологической категории**. В отличие от пролога, где путь был конкретной дорогой на колеснице, здесь ὁδός становится абстрактным понятием — способом мышления, способом бытия. Это A1-SUBST в архаическом модусе: субстантивация без артикля, через позицию подлежащего и через связку ἐῖσι. «Пути» не просто есть — они суть **сами способы** искания.

Конструкция ἐῖσι νοῆσαι — так называемый инфинитив цели (или «инфинитив в значении образа действия»). Пути существуют **для-того-чтобы-мыслить**. Мышление (νοῆσαι) дано в инфинитиве аориста, что подчеркивает его событийность, актуальность. Не способность мыслить (гнозис), а акт схватывания.

Строка 3: Первая гипотеза — путь бытия.

ἡ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι

Это самая важная строка во всей поэме, а возможно, и во всей досократической философии. Разберем ее по элементам.

ἡ μὲν — «одна (из двух)». Частица μὲν в паре с последующим δέ (строка 5) маркирует первый член бинарной оппозиции. Грамматически это прото-форма платоновской диэрезы (A2-DIAER). У Платона будет πότερον... ἢ, здесь — анафорическое μὲν... δέ.

ὅπως — союз, вводит содержание пути, буквально «что» или «как». Но в отличие от простого ὅτι, ὅπως сохраняет оттенок образа действия. Путь — это не просто утверждение, но **способ** утверждения.

ἔστιν — самое главное слово. Это связка «есть», третье лицо единственного числа настоящего времени от εἶμι. Но здесь она **не имеет подлежащего**. Это не «X есть Y» и не «X есть». Это чистое, абсолютное **Есть**. Грамматическая машина фиксирует это как L-COP в онтологическом, а не предикативном режиме. Связка отрывается от своей служебной функции и становится самостоятельным онтологическим оператором.

τε καὶ — «и... и» или «как... так и». Соединяет два выражения одной гипотезы: ὅπως ἔστιν (что есть) и ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι (как не есть не быть). Это не дизъюнкция (или-или), а конъюнкция (и-и). Путь бытия утверждает два неразрывных момента: бытие есть, и бытие не может не быть.

ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι — **двойное отрицание**, утверждающее невозможность небытия. οὐκ ἔστι — «не есть». μὴ εἶναι — «не быть» (инфинитив с отрицанием μὴ, которое обычно используется с инфинитивом). Вместе: «не есть не быть» = «небытие не существует». Но это не просто отрицание существования небытия. Это **запрет на небытие**: небытие не только не существует, но и **не может существовать**. Грамматика двойного отрицания с разными частицами (οὐ в индикативе, μὴ в инфинитиве) создает онтологический барьер, который будет мучить философию до «Софиста» Платона.

Строка 4: Путь Убеждения и его связь с истиной.

Πειθοῦς ἐστὶ κέλευθος (ἀληθείῃ γὰρ ὁπτηδεῖ)

Πειθοῦς — родительный падеж от Πειθώ (Убеждение, персонифицированное божество). ἐστὶ — связка «есть». κέλευθος — путь, дорога. Буквально: «Убеждения есть путь». Это A1-

SUBST в персонифицированном режиме: путь получает имя собственное, становится божественной инстанцией. Πειθῷ у Парменида — не риторическая категория, а онтологическая: путь бытия убедителен потому, что он ведет к истине, а не потому, что он хорошо аргументирован.

ἀληθείη γὰρ ὁπῆδεῖ — «ибо (этот путь) сопутствует истине». ἀληθείη — дательный падеж от ἀλήθεια (истина). ὁπῆδεῖ — глагол «следовать за, сопутствовать», третье лицо единственного числа настоящего времени. γὰρ — пояснительная частица. Грамматически: Убеждение есть путь **потому что** оно следует за истиной. Истина первична, убеждение вторично. Это обратное отношение тому, что будет в риторике софистов, где убеждение создает «истину» (или ее видимость). Парменид устанавливает онтологический приоритет истины перед убеждением.

Важнейшее грамматическое наблюдение: глагол ὁπῆδεῖ стоит в единственном числе, а подразумеваемое подлежащее (κέλευθος, путь) — тоже единственное. Но Πειθῷ — богиня, путь — ее путь. Синтаксически ὁπῆδεῖ относится к κέλευθος, но семантически — к самой Истине, которая «сопутствует» пути. Это **пересечение грамматических уровней**, которое будет использовано Платоном в «Софисте» для анализа «общения родов»: разные онтологические уровни могут быть связаны не прямым подлежащно-сказуемым отношением, а через третий термин.

Строка 5: Вторая гипотеза — путь небытия.

ἢ δ' ὥς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὥς χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι

ἢ δέ — «другая же». Частица δέ маркирует второй член бинарной оппозиции. Грамматически это завершение диэрезы, начатой ἢ μὲν в строке 3.

ὥς οὐκ ἔστιν — «что не есть». Это прямое отрицание первой гипотезы. Если первая гипотеза утверждала ἔστιν (есть), вторая утверждает οὐκ ἔστιν (не есть). Но грамматическая симметрия обманчива. В первой гипотезе после ἔστιν следовало οὐκ ἔστι μὴ εἶναι — отрицание небытия. Во второй гипотезе после οὐκ ἔστιν следует χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι — долженствование небытия. Это асимметрия: путь небытия требует не просто констатировать отсутствие бытия, но **предписывать** небытие как должное.

χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι — «должно не быть». χρεὼν — безличный оборот, буквально «то, что нужно», «необходимость». χρεὼν ἔστι — «есть необходимость», «должно». μὴ εἶναι — инфинитив с отрицанием μὴ. Грамматическая машина фиксирует это как L-COP в деонтическом (долженствовательном) модусе. В первой гипотезе связка ἔστιν была онтологической (утверждение бытия). Во второй гипотезе связка χρεὼν ἔστι — деонтической (предписание небытия). Парменид не просто говорит, что небытия нет. Он говорит, что **небытие должно не быть**. Это предписание, а не констатация. Грамматика долженствования вводит нормативное измерение в онтологию: бытие не просто есть — оно есть **должное**, а небытие — **запретное**.

Строка 6: Апория пути небытия.

τὴν δὴ τοι φράζω παναλευθέα ἔμμεν ἀταρπὸν

τὴν — винительный падеж женского рода, указательное местоимение, относится к ὁδόν (путь, подразумевается). δὴ τοι — усилительные частицы. φράζω — «я указываю», «я объявляю», первое лицо единственного числа настоящего времени активного залога. Богиня говорит от первого лица. Это важно: истина не просто описывается, а **провозглашается** авторитетным голосом. φράζω — глагол, который может означать и «объяснять», и «приказывать». Здесь оба оттенка: объяснение пути небытия есть одновременно его запрет.

παναλευθέα — сложное прилагательное, παν- (все, совсем) + αλευθής (неведомый, неразличимый). «Совсем неразличимую». ἔμμεν — поэтическая форма инфинитива εἶναι (быть). ἀταρπὸν — «тропу», винительный падеж от ἀταρπός (тропа, обычно трудная или непроходимая). Буквально: «ее же я объявляю совсем неразличимой быть тропой».

Грамматическая машина фиксирует это как C1-APAGOGЕ в прото-форме. Парменид не доказывает, что путь небытия ведет к абсурду. Он просто **объявляет** его непригодным. Но в этом объявлении уже содержится логика будущего доведения до абсурда: путь небытия не ведет никуда, он «неразличим», по нему нельзя идти. Аристотель позже превратит эту декларацию в логическую процедуру. Платон в «Софисте» покажет, что путь небытия, объявленный Парменидом неразличимым, на самом деле различим — через инаковость.

Строки 7–8: Апория небытия в чистом виде.

οὔτε γὰρ ἄν γνοίης τό γε μὴ εἶν (οὐ γὰρ ἀνυστόν) οὔτε φράσαις

οὔτε... οὔτε — двойное отрицание, связывающее два глагола: γνοίης (ты мог бы познать) и φράσαις (ты мог бы высказать). Грамматическая форма — оптатив с частицей ἄν (γνοίης... ἄν), выражающий потенциальную возможность. «Ты **не мог бы** познать... и **не мог бы** высказать». Небытие не просто непознаваемо и невыразимо — оно **не может быть** ни познанным, ни высказанным. Оптатив подчеркивает модальность невозможности, а не просто факта.

τό γε μὴ εἶν — «то именно, что не есть». τό — артикль среднего рода, **субстантивирующий** выражение μὴ εἶν (не-сущее). Это A1-SUBST в чистом виде, но субстантивация того, что, согласно парменидовскому запрету, не должно существовать. Парадокс: Парменид субстантивирует небытие, чтобы сказать, что его нет. Грамматика субстантивации работает против онтологии. Это противоречие разрешит только Платон в «Софисте», показав, что субстантивированное «небытие» есть на самом деле **инаковость**.

οὐ γὰρ ἀνυστόν — «ибо это невыполнимо», «этого не осуществить». ἀνυστόν — прилагательное от ἀνύω (совершать, достигать). Грамматический род средний, согласованный с подразумеваемым τό (то, это). Познание и высказывание небытия — не просто ложные операции, а **невозможные**. Онтологический запрет становится эпистемологическим и лингвистическим.

Логическая операция.

Фрагмент В2 выполняет три связанные логические операции, каждая из которых будет развита в последующей философской традиции.

Операция первая: бинарная диэреза как основная форма онтологического различения.

Парменид делит все возможные пути исследования на два и только на два: ἢ μέν... ἢ δέ. Третьего не дано. Это A2-DIAER в его архаической, бинарной, беспощадной форме. У Платона диэреза станет более гибкой: можно делить не только на два, но и на три, четыре, пять, и не обязательно исчерпывающе. Но основа — различение через деление — заложена здесь. У Аристотеля диэреза превратится в метод определения через род и вид. У Прокла — в формальную процедуру развертывания иерархии. Но везде за этим стоит парменидовское: есть А и не-А, и третьего не дано.

Операция вторая: онтологическая интерпретация связки «есть».

Это главное открытие Парменида. Грамматическая связка ἔστιν, которая в обычной речи соединяет подлежащее со сказуемым (Сократ **есть** человек) или указывает на существование (Сократ **есть**), становится самостоятельным онтологическим термином. ἔστιν означает **бытие как таковое**. Это не предикат, не свойство, не отношение. Это чистое, абсолютное Есть, которое не требует подлежащего.

С точки зрения Грамматической машины, Парменид совершает операцию, обратную обычной субстантивации. Обычная субстантивация (A1-SUBST) превращает предикат в субъект: «справедливый» → «справедливое». Парменид превращает **связку** в субъект. Не предикат, а само отношение между предикатом и субъектом становится онтологической категорией. Это более радикальная операция, чем любая субстантивация Платона или Аристотеля. У Платона субстантивируется качество (τὸ δίκαιον). У Парменида субстантивируется **функция**, служебный элемент языка. Грамматика здесь доходит до своего предела: то, что по определению не может быть самостоятельным, становится верховным началом всего.

Операция третья: апория небытия как источник последующих диалектических трудностей.

Парменид объявляет небытие немислимым и невыразимым. Но это объявление создает проблему: как можно говорить о небытии, даже чтобы запретить его? Само высказывание «небытия нет» уже использует слово «небытие» в позиции подлежащего. Грамматика субстантивации возвращается как фантом: чтобы запретить небытие, нужно сначала назвать его, а называние уже есть субстантивация.

Это C3-APORIA-PSEUDOS в чистом виде. Платон в «Софисте» разрешит эту апорию, показав, что «небытие» есть на самом деле «инаковость». Аристотель в «Метафизике» покажет, что «бытие» и «небытие» сказываются во многих смыслах. Плотин превратит небытие в материю, а инаковость — в принцип множественности. Но все они будут работать с апорией, впервые сформулированной здесь: как говорить о том, о чем нельзя говорить?

Метафизический результат.

Фрагмент В2 дает три фундаментальных метафизических результата, которые войдут в плоть всей западной философии.

Результат первый: установление онтологической дихотомии бытия и небытия как первичного и нередуцируемого различия.

Есть бытие. Нет небытия. И третьего не дано. Эта дихотомия радикальнее, чем все последующие онтологические различия. Платоновское различие идей и вещей — вторично по отношению к парменидовскому, ибо идеи суть бытие, вещи суть смесь бытия и небытия (становление). Аристотелевское различие формы и материи — тоже вторично, ибо форма есть актуальное бытие, материя — потенциальное бытие, но никогда — чистое небытие. Хайдеггеровское различие бытия и сущего — попытка вернуться к парменидовской проблеме, но уже внутри новоевропейской традиции. Парменид задает сам формат: философия начинается с вопроса о бытии, и этот вопрос уже предполагает различие между тем, что есть, и тем, чего нет.

Результат второй: установление тождества бытия, мышления и речи.

Уже в этом фрагменте (а полностью в В3, к которому мы перейдем) Парменид связывает воедино три сферы: бытие (εἶναι), мышление (νοεῖν), и речь (λέγειν, φράζειν). Небытие не только не существует, но и не может быть помыслено, и не может быть высказано. Это тождество станет аксиомой для всей рационалистической традиции: Декарт («мыслью, следовательно, существую»), Гегель («мышление и бытие тождественны»), даже Кант, который различает мысль и бытие, делает это на фоне парменидовского тождества как нормы. Без Парменида это тождество не было бы ни поставлено, ни проблематизировано.

Результат третий: введение нормативного измерения в онтологию.

Путь бытия — это не просто существующий путь. Это путь **Убеждения** (Πειθώ), который **должен** быть избран. Путь небытия — это путь, который **должен** быть отвергнут. Грамматика долженствования (χρεὼν εἶναι) вводит этическое измерение в самое сердце онтологии. Бытие — это не только то, что есть, но и то, что **должно быть**. Небытие — не только то, чего нет, но и то, чего **не должно быть**. Это предвосхищает платоновское отождествление Блага и Бытия (Благо «по ту сторону сущности», но именно оно делает бытие желанным и должным), аристотелевскую телеологию (все стремится к благу, которое есть актуальное бытие), и, в конечном счете, всю европейскую метафизику, для которой вопрос о бытии неотделим от вопроса о ценности.

Грамматическая машина: что зафиксировано.

В этом фрагменте Грамматическая машина фиксирует работу следующих операторов в их архаических, еще не рефлексивных модусах.

МЕТА: mode=proto — формула перехода εἰ δ' ἄγε' ἐγὼν ἐρέω маркирует начало доктринального изложения. Это мета-уровень: богиня говорит не о бытии, а о том, **как говорить** о бытии. Она задает правила дискурса.

A1-SUBST: mode=proto — субстантивация путей, убеждения, самого небытия (τό γε μή ἔσθι). В отличие от Платона, у которого есть артикль τό, Парменид субстантивирует через синтаксическую позицию. Но операция та же.

A2-DIAER: mode=binary — диэреза ἢ μὲν... ἢ δέ. Бинарная, исчерпывающая, исключая третья. Платон добавит сложные деления и возможность не-исчерпывающих диэрез, но основа здесь.

L-COP: mode=ontological — связка ἔστιν без подлежащего. Это уникальный оператор Парменида, который не встречается ни у Платона (у него связка всегда привязана к субъекту, даже к τὸ ὄν), ни у Аристотеля (у него связка анализируется как элемент суждения). Парменид совершает невозможное с точки зрения нормальной грамматики: он превращает связку в абсолют.

L-COP: mode=deontic — χρεὼν ἔστι как связка долженствования. Это грамматическое введение нормативного измерения в онтологию.

L-NEG: mode=absolute — отрицание в обеих гипотезах. В первой — οὐκ ἔστι μή εἶναι (небытия нет). Во второй — οὐκ ἔστιν (не-есть). Отрицание у Парменида не оператор среди других, а онтологический барьер.

C1-APAGOGÉ: mode=proto — объявление пути небытия «неразличимой тропой» как прото-форма доведения до абсурда. У Платона это превратится в строгую логическую процедуру.

C3-APORIA-PSEUDOS: mode=proto — апория небытия: как говорить о том, о чем нельзя говорить. Это будет мучить философию от Платона до Хайдеггера.

Заключение по фрагменту В2.

Фрагмент В2 является, возможно, самым важным философским текстом из всех, написанных на греческом языке. Не потому, что он самый глубокий или самый истинный, а потому, что он **учреждает саму возможность философии как онтологии**. До Парменида были космологии (Фалес, Анаксимен), были математические учения (Пифагор), были парадоксы (Зенон). Но не было вопроса, сформулированного как вопрос о **бытии как таковом**, оторванном от любой конкретной вещи, от любого качества, от любого отношения.

Парменид задал этот вопрос через грамматику. Он взял самую обычную, самую повседневную, самую незаметную часть языка — связку «есть» — и превратил ее в верховное начало всего сущего. Греческий язык позволил это сделать, потому что в греческом, как и в русском, связка может опускаться, но может и стоять, и ее стояние уже значимо. Парменид сделал так, что она стоит одна.

Грамматическая машина фиксирует этот жест как L-COP в онтологическом модусе. Это оператор, который не работает в нормальном языке. Нормальный язык использует связку для соединения. Парменид заставляет связку означать само бытие. Это **насилие над грамматикой**, но насилие продуктивное, порождающее новую реальность — реальность философской онтологии.

В следующем фрагменте (В3) Парменид добавит к этому тождество мышления и бытия. В В4 — свяжет речь и мысль. В В6 — вернется к пути мнения и даст его характеристику. В В7 — запретит путь небытия окончательно. В В8 — даст полное, систематическое описание бытия: оно не возникло, не уничтожимо, целокупно, однородно, неподвижно, совершенно. Мы пройдем через все эти фрагменты так же подробно, с тем же вниманием к грамматической поверхности, потому что именно там, в артиклях, падежах, отрицаниях, связках, находится философия Парменида.

После того как в фрагменте В2 были установлены два пути — путь бытия (ἢ μὲν ὅπως ἔστιν) и путь небытия (ἢ δ' ὡς οὐκ ἔστιν), — богиня переходит к формулировке того, что станет центральным тезисом всей западной онтологии: тождества бытия и мышления.

Фрагмент DK B3: Тожество мышления и бытия.

Греческий текст (полный фрагмент).

τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι.

Грамматическая разметка.

[L-COP: mode=ontological] τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι
(связка «есть» соединяет два инфинитива в отношении тождества)

[A1-SUBST: mode=proto] νοεῖν
(субстантивация акта мышления через артикль τὸ)

[A1-SUBST: mode=proto] εἶναι
(субстантивация бытия через инфинитив без артикля, но в позиции второго члена тождества)

[A3-SYNTH: mode=proto-identity] τὸ γὰρ αὐτὸ... ἐστίν
(синтез как утверждение тождества, а не соединения разных)

[B1-KATH: mode=proto] αὐτὸ
(«самое», «одно и то же» — прото-форма платоновского «самого по себе»)

Грамматический разбор.

Общая структура фрагмента.

Фрагмент B3 состоит из одной строки, но эта строка — возможно, самая цитируемая и комментируемая во всей досократической философии. Она содержит семь слов (восемь, если считать частицу γάρ), но в этих семи словах заключена целая программа: отождествление мышления и бытия, которое станет аксиомой для Платона (мир идей познается умом, потому что он сам есть умопостигаемое бытие), для Аристотеля (ум в действии тождествен своему предмету), для Плотина (ум и бытие — первая эманация Единого), для Гегеля (абсолютный дух есть тождество мышления и бытия), для Хайдеггера (который всю свою философию строит как возвращение к этому парменидовскому тезису, переосмысленному через онтологическое различие).

Разберем строку по элементам, начиная с самого малого и переходя к целому.

Частица γάρ: логическая связь с предыдущим.

γάρ — пояснительная частица, «ибо», «потому что». Она связывает фрагмент B3 с предшествующим текстом. Сразу после объявления двух путей (B2) и запрета небытия следует объяснение: **почему** небытие нельзя ни мыслить, ни высказывать. Потому что мышление и бытие

— одно и то же. Если бы мышление и бытие были разными, можно было бы мыслить небытие. Но они тождественны. Следовательно, мыслить можно только то, что есть.

Это логическая операция, которая у Платона примет форму силлогизма, у Аристотеля — форму доказательства от необходимого условия, у Прокла — форму дедуктивного шага внутри аксиоматической системы. У Парменида она еще не развернута в формальную логику, но структура уже задана: В2 утверждает невозможность мышления небытия → В3 объясняет эту невозможность через тождество мышления и бытия. Грамматическая машина фиксирует γάρ как маркер **каузальной связи** между двумя фрагментами, прото-форму аристотелевского «διότι» (потому что).

Артикль τὸ: субстантивация как грамматическая операция.

τὸ — определенный артикль среднего рода, именительный/винительный падеж, единственное число. В греческом языке артикль может субстантивировать любую часть речи: прилагательное (τὸ καλόν — прекрасное), причастие (τὸ ὄν — сущее), инфинитив (τὸ εἶναι — бытие), даже наречие (τὸ νῦν — настоящее, букв. «теперь»).

Здесь τὸ относится к инфинитиву νοεῖν. Вместе они образуют субстантивированную конструкцию: **τὸ νοεῖν** — «мышление» как сущность, а не как процесс. Грамматическая машина фиксирует это как A1-SUBST: mode=proto. Это прямая аналогия платоновскому τὸ δίκαιον (справедливое) и τὸ ἀγαθόν (благо), но с важным отличием: Парменид субстантивирует **инфинитив** — глагольную форму, обозначающую действие в его чистом виде, без привязки к лицу, числу, времени, наклонению.

Почему инфинитив, а не отглагольное существительное?

В греческом языке есть отглагольные существительные: νόησις (мышление как способность или процесс), νοῦς (ум как орган), διάνοια (рассудок). Парменид не использует их. Он использует инфинитив νοεῖν. Инфинитив сохраняет глагольную природу: он выражает **действие** (акт мышления), но в форме, которая может быть подлежащим или дополнением. Грамматически инфинитив — это замороженный глагол, превращенный в имя, но не до конца. Он находится на границе между глаголом и существительным.

Этот выбор не случаен. Если бы Парменид использовал νόησις, он бы говорил о **способности** мыслить. Если бы он использовал νοῦς, он бы говорил об **органе** мышления. Но он говорит об **акте** мышления: νοεῖν — «мыслить» как действие, которое совершается здесь и сейчас, в момент познания истины. Бытие же дано как εἶναι — тоже инфинитив, тоже действие, но действие, которое не совершается во времени (ибо бытие вечно), а есть чистая актуальность.

Парменид выбирает инфинитив для обоих членов тождества, потому что инфинитив выражает **чистое действие**, оторванное от агента, времени, модальности. Мышление и бытие — это не два разных действия, которые нужно соединить. Это **одно и то же действие**, рассмотренное с разных сторон. Когда я мыслю, я осуществляю бытие. Когда бытие есть, оно осуществляется как мышление.

αὐτό: тождество как самотождественность.

αὐτό — местоимение «сам», «самое», «то же самое». Средний род, именительный/винительный падеж, единственное число. Согласовано с подразумеваемым субъектом (τὸ νοεῖν). Буквально: «Одно и то же есть мыслить и быть».

αὐτό здесь выполняет функцию, которая у Платона будет выражена конструкцией αὐτὸ καθ' αὐτό (само по себе). Указывание на **самость**, на то, что вещь есть именно **она сама**, а не что-то другое. В платоновской теории идей αὐτὸ τὸ καλόν — это само прекрасное, отделенное от прекрасных вещей. У Парменида αὐτό еще не имеет этого онтологического смысла

отделенности. Оно указывает на **тождество** двух терминов: νοεῖν и εἶναι — это одно и то же, а не два разных, связанных отношением.

Грамматическая машина фиксирует это как B1-КАТН: mode=proto — прото-форму различения «самого по себе». У Платона этот оператор будет разделять идею и вещь. У Парменида он пока только указывает на тождество двух терминов.

Важнейшее грамматическое наблюдение: αὐτὸ стоит в начале предложения, перед связкой. Это эмфатическая позиция. Не «мышление есть то же самое, что бытие», а «**одно и то же есть** мышление и бытие». Тождество утверждается раньше, чем его члены названы. Грамматический порядок отражает онтологический приоритет: тождество первичнее того, что тождественно.

νοεῖν и εἶναι: два инфинитива как два аспекта одного.

νοεῖν — инфинитив настоящего времени активного залога от νοέω (мыслить, воспринимать умом, понимать). В отличие от γινώσκειν (знать, узнавать), νοεῖν подчеркивает **непосредственное умственное усмотрение**, а не процесс приобретения знания. Парменид выбирает именно этот глагол, потому что речь идет об акте постижения истины, который не требует времени, доказательств, опыта. Истина усматривается умом сразу, целиком, в одном акте.

εἶναι — инфинитив настоящего времени от εἰμί (быть). Это самый абстрактный, самый общий, самый пустой (в хорошем смысле) глагол в греческом языке. Он не добавляет никакого качества, никакого определения. Он просто говорит, что **нечто есть**.

Два инфинитива стоят в одной синтаксической позиции: оба являются подлежащими (или, точнее, членами тождества, соединенными связкой). νοεῖν — мышление как акт. εἶναι — бытие как акт. Парменид приравнивает их. Не «мышление есть бытие» (что было бы предикацией), а «одно и то же есть мышление и бытие» (что есть тождество).

Различие между предикацией и тождеством грамматически выражается в порядке слов и в наличии/отсутствии артикля. Если бы Парменид написал τὸ νοεῖν ἐστὶν εἶναι, это было бы предикацией: «мышление есть бытие» (бытие — предикат мышления). Если бы он написал τὸ νοεῖν καὶ τὸ εἶναι ταὐτόν ἐστιν, это было бы утверждением тождества двух субстантивированных понятий. Он пишет τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι. αὐτὸ вынесено вперед, νοεῖν и εἶναι соединены союзом τε καί, а связка ἐστὶν стоит между ними. Грамматически это означает, что νοεῖν и εἶναι — не субъект и предикат, а два равноправных члена, связанных отношением тождества.

Связка ἐστὶν: третье лицо без подлежащего.

ἐστὶν — связка «есть», третье лицо единственного числа настоящего времени от εἰμί. Как и в B2 (ἐστὶν), здесь связка стоит в абсолютной позиции. Но в B2 у нее не было подлежащего вообще. Здесь подлежащим можно считать τὸ αὐτό (одно и то же), которое вынесено вперед. Синтаксически: τὸ αὐτὸ... ἐστὶν... νοεῖν... καὶ... εἶναι — «одно и то же есть мыслить и быть».

Грамматически это обычная связка, соединяющая подлежащее (τὸ αὐτό) с именной частью (νοεῖν... καὶ... εἶναι). Но семантически происходит нечто необычное. Именная часть состоит из двух инфинитивов, соединенных союзом τε καί. Эти два инфинитива в обычном языке не могут быть именной частью при связке, ибо связка обычно соединяет существительное с существительным, или существительное с прилагательным, или существительное с причастием. Но не два инфинитива. Парменид создает **новую грамматическую конструкцию**: связка + два инфинитива в позиции именной части. Это грамматическое нововведение отражает онтологическое нововведение: бытие и мышление — не две разные вещи, которые нужно связывать, а одно, данное в двух грамматических формах.

Сравнение с В2. В В2 связка ἔστιν стояла одна: ὅπως ἔστιν. Это был абсолютный онтологический оператор, не требующий дополнения. В В3 связка ἔστιν включена в предложение, у нее есть подлежащее (τὸ αὐτό) и именная часть (νοεῖν... καὶ... εἶναι). Это менее радикальная, но более сложная конструкция. Парменид не повторяет абсолютную связку из В2, а встраивает ее в структуру тождества. Бытие не просто «есть». Бытие **есть** как тождество мышления и самого себя.

Логическая операция.

Фрагмент В3 выполняет одну, но фундаментальную логическую операцию: **утверждение тождества двух, казалось бы, различных сущностей.**

Логически тождество — это отношение, которое обладает тремя свойствами: рефлексивность (все тождественно самому себе), симметричность (если А тождественно В, то В тождественно А), транзитивность (если А тождественно В и В тождественно С, то А тождественно С). Парменид утверждает тождество мышления и бытия. Если мышление тождественно бытию, то:

Мышление рефлексивно: мышление тождественно мышлению.

Мышление симметрично бытию: бытие тождественно мышлению.

Мышление транзитивно: если бытие тождественно мышлению, а мышление тождественно истине, то бытие тождественно истине (этот шаг Парменид сделает имплицитно в В8).

Но самое важное следствие этого тождества — **запрет на мышление небытия.** Если бы мышление и бытие были разными, можно было бы предположить, что мышление направлено на то, чего нет. Но они — одно и то же. Следовательно, всякий акт мышления есть акт бытия, и всякий акт бытия есть акт мышления. Небытие не может быть помыслено, потому что помыслить небытие означало бы осуществить акт бытия, направленный на то, чего нет, что невозможно. Это и есть то, что Платон в «Софисте» назовет «отцеубийством Парменида» — необходимость переосмыслить небытие как инаковость, чтобы спасти возможность лжи и мнения.

С точки зрения Грамматической машины, это А3-SYNTH в его наиболее сильном, экзатическом (уже не логическом, а онтологическом) модусе. У Платона А3-SYNTH будет означать соединение имени и глагола в логос, или соединение разных родов сущего (бытия, движения, покоя, тождества, инаковости) в «Софисте». У Аристотеля — соединение субъекта и предиката в суждении. У Парменида синтез более радикален: он соединяет не элементы языка и не роды сущего, а сам **акт познания с актом бытия.** Это не синтез чего-то с чем-то. Это утверждение, что синтез не нужен, потому что разделения нет.

Метафизический результат.

Фрагмент В3 дает три метафизических результата, которые будут определять развитие европейской философии на протяжении более чем двух тысячелетий.

Результат первый: идеалистический тезис о тождестве мышления и бытия.

Этот тезис в разных формах повторяется у Платона (мир идей познается умом, потому что он сам умопостигаем), у Аристотеля (ум в действии тождествен своему предмету: ἡ κατ' ἐνέργειαν ἐπιστήμη τῷ πράγματι ἢ αὐτῇ), у Плотина (ум и бытие — первая эманация Единого, они нераздельны), у Гегеля (абсолютный дух есть тождество субъекта и объекта, мышления и бытия). Даже материализм, отрицающий это тождество, вынужден с ним полемизировать, а значит, признавать его значимость. Парменид задает саму постановку вопроса: возможно ли мышление, не имеющее коррелята в бытии? Его ответ: нет.

Результат второй: эпистемологический идеализм (в самом общем смысле).

Если мышление и бытие тождественны, то истина не есть соответствие мышления бытию (*adaequatio intellectus et rei*), ибо для этого нужно, чтобы мышление и бытие были разными. Истина есть **само осуществление** этого тождества. Когда я мыслю, я уже нахожусь в бытии. Ошибка возможна только тогда, когда я мыслю небытие, но это, по Пармениду, невозможно. Следовательно, истина есть единственное состояние мышления. Это радикальный эпистемологический оптимизм: истина не требует верификации, она дана непосредственно в акте мышления. Платон смягчит этот оптимизм, введя различие мнения и знания, а также теорию воспоминания. Аристотель введет различие потенции и акта. Но основа — непосредственная данность истины мыслящему уму — остается.

Результат третий: онтологический аргумент в зародыше.

Если бытие и мышление тождественны, то, мысля нечто, я уже утверждаю его бытие. Обратно: если я могу помыслить нечто, оно необходимо существует. Это структура онтологического аргумента, который в полной форме будет сформулирован Ансельмом Кантерберийским («то, больше чего нельзя помыслить, не может быть только в уме, ибо тогда можно было бы помыслить нечто большее — существующее также и наяву»). У Парменида эта структура еще не развернута, но ее зародыш уже есть: мыслимое есть, не-мыслимое не есть. Декартово «*cogito ergo sum*» — тоже вариант этого же тезиса, только с инверсией: не «бытие есть мышление», а «мышление удостоверяет бытие».

Грамматическая машина: итоги по фрагменту В3.

В этом фрагменте Грамматическая машина фиксирует работу следующих операторов.

A1-SUBST: *mode=proto* — субстантивация инфинитивов *νοεῖν* и *εἶναι* через артикль *τὸ* (для первого) и через синтаксическую позицию (для второго). Парменид превращает действия в сущности, но сохраняет их глагольную природу.

A3-SYNTH: *mode=proto-identity* — синтез как тождество, а не как соединение различных. У Платона синтез всегда предполагает различие соединяемых элементов (вещь и идея, имя и глагол, разные роды сущего). У Парменида синтез отменяет различие: мышление и бытие — одно и то же. Это более сильная форма синтеза, которая в платонической традиции будет сохранена только для описания высших начал (Единого у Плотина, Бога у схоластов).

B1-KATH: *mode=proto* — прото-форма различения «самого по себе». *αὐτὸ* указывает на самость, на тождество себе, но еще не на отделенность от чувственных вещей. Платон добавит эту отделенность, превратив *αὐτὸ καθ' αὐτό* в фундаментальный онтологический оператор.

L-COP: *mode=ontological* — связка *ἐστίν* в позиции соединения двух инфинитивов. Это не абсолютная связка из В2, но все еще онтологическая, а не просто грамматическая.

Связь с последующими фрагментами.

В3 — ключ к пониманию всего парменидовского проекта. Без этого тождества запрет на небытие в В2 был бы просто догматическим утверждением. С этим тождеством запрет получает обоснование: небытие нельзя мыслить, потому что мышление уже есть бытие.

В последующих фрагментах Парменид развернет следствия из этого тождества.

В В4 он свяжет речь (*λόγος*) с мышлением, показывая, что высказывание также подчинено тому же закону.

В В6 он даст характеристику пути мнения (*δόξα*) как пути, на котором блуждают смертные, «ничего не знающие».

В В7 он повторит запрет на небытие в более сильной форме, обращаясь прямо к слушателю.

В В8 — самом длинном и важном фрагменте — он даст полное, систематическое описание бытия: оно не возникло, не уничтожимо, целокупно, однородно, неподвижно, совершенно, подобно шару.

Каждый из этих фрагментов будет проанализирован с той же тщательностью, с тем же вниманием к грамматической поверхности. Философия Парменида не находится «над» грамматикой или «за» ней. Она совершается **в** грамматике. Артикли, падежи, связки, отрицания, инфинитивы — вот подлинные действующие лица его поэмы. Грамматическая машина представлена к ним как инструмент, позволяющий услышать их голос.

Фрагмент ДК В4: Связь речи, мышления и бытия.

Греческий текст (полный фрагмент).

λεῦσσε δ' ὅμως ἀπεόντα νόῳ παρεόντα βεβαίως·
οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχεσθαι,
οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον
οὔτε συνιστάμενον.

Грамматическая разметка.

[META: mode=proto] λεῦσσε
(императив «смотри» — мета-оператор, указывающий на необходимость особого способа видения)

[B2-KATH: mode=proto] ὅμως
(«однако» — прото-форма аспектуального различения, указание на то, что речь идет о другом способе рассмотрения)

[L-COP: mode=ontological] ἀπεόντα... παρεόντα
(противопоставление «отсутствующего» и «присутствующего» через связку бытия)

[A1-SUBST: mode=proto] τὸ ἐὸν
(субстантивация сущего через артикль — ключевой оператор)

[L-NEG: mode=absolute] οὐ γὰρ ἀποτμήξει
(отрицание разделения — онтологическое единство сущего)

[A3-SYNTH: mode=proto-identity] τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχεσθαι
(«сущее держаться сущего» — синтез как самопринадлежность)

[L-NEG: mode=distributive] οὔτε σκιδνάμενον... οὔτε συνιστάμενον
(отрицание двух противоположных процессов — распределения и соединения)

Грамматический разбор.

Строка 1: Императив зрения и парадокс отсутствия-присутствия.

λεῦσσε — императив настоящего времени активного залога от λεύσσω (смотреть, видеть, замечать). Это поэтический глагол, более интенсивный, чем обычный ὀράω. Он требует **напряженного, пристального всматривания**, а не беглого взгляда. Богиня обращается к повествователю с прямым приказом: смотри.

Но смотреть нужно не на то, что очевидно, не на присутствующее в обычном смысле. ὅμως — «однако», «тем не менее». Эта частица вводит **аспектуальное различие**, прото-

форму платоновского ᾗ (поскольку). Речь идет о другом способе видения, не чувственном, а умственном. Того, что отсутствует (ἀλεόντα), нужно видеть как присутствующее (παρεόντα) в уме (νόῳ). Грамматически это выражено через противопоставление двух причастий: ἀλεόντα (отсутствующее) и παρεόντα (присутствующее). Оба в винительном падеже, оба согласованы с подразумеваемым объектом (то, на что нужно смотреть).

νόῳ — дательный падеж от νόος (ум, мысль). Датив инструментальный: смотреть **умом**, а не глазами. Это противопоставление чувственного и умственного зрения станет фундаментальным для всей платонической традиции. Платон в «Государстве» (книга VII) разовьет его в аллегорию Пещеры: освобожденный узник сначала видит тени, потом огонь, потом отражения, потом сами вещи, потом звезды, и наконец Солнце. Каждый этап — это переход от менее реального к более реальному, от чувственного к умопостижаемому. Парменид уже здесь формулирует принцип: умное зрение видит отсутствующее как присутствующее. Ибо в бытии нет различия между «здесь» и «там», «сейчас» и «тогда», «мной» и «другим». Бытие всюду и всегда одинаково.

βεβαίως — наречие «твердо», «надежно», «непоколебимо». Это наречие описывает способ умного зрения: оно не должно колебаться, не должно сомневаться. Истина дана не вероятно, а с абсолютной достоверностью. Здесь зародыш эпистемологического фундаментализма, который в Новое время примет форму поиска несомненного основания знания (Декарт, «непоколебимое и устойчивое основание» — *fundamentum firmum et immobile*).

Строка 2: Онтологическое единство как запрет на разделение.

οὐ γὰρ ἀποτμήξει — «ибо не отсечет». γὰρ объясняет, почему нужно смотреть так, как сказано: потому что бытие едино и неделимо. ἀποτμήξει — форма будущего времени (или аорист с оттенком будущего) от ἀποτέμνω (отсекать, отделять). Отрицание οὐ с формой будущего времени создает **перспективный запрет**: не отсечет (никогда, ни при каких условиях). Грамматически это сильнее простого отрицания в настоящем времени.

τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχεισθαι — «сущее держаться сущего». τὸ ἐὸν — сущее (именительный/винительный падеж, субстантивированное причастие среднего рода от εἶμι). τοῦ ἐόντος — того же сущего (родительный падеж, указывающий на объект, к которому прилепляются). ἔχεισθαι — инфинитив настоящего времени среднего залога от ἔχω (иметь, держать). Средний залог означает «держаться за», «прилепляться к». Буквально: «сущее держаться сущего».

Это самопринадлежность бытия: бытие не отделено от бытия, не может быть отсечено от себя. Грамматическая машина фиксирует это как A3-SYNTH в режиме тождества (как и в B3), но в более развернутой форме. Если в B3 синтез был между мышлением и бытием, здесь синтез — между бытием и самим собой. Бытие **есть** бытие. Это кажется тавтологией, но тавтология здесь онтологически нагружена: она исключает возможность любого разрыва, любого разделения, любой инаковости внутри бытия.

Строки 3–4: Отрицание распределения и соединения как ложных процессов.

οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον — «ни распределяющееся всячески всюду по порядку». οὔτε — отрицательный союз, парный с последующим οὔτε (ни... ни). σκιδνάμενον — причастие настоящего времени среднего залога от σκιδνῆμι (рассеивать, распределять). πάντῃ — «всячески», πάντως — «всюду», κατὰ κόσμον — «по порядку». Вся фраза описывает процесс **дифференциации**, упорядоченного распределения бытия на части. Парменид отрицает, что бытие может быть распределено, даже самым упорядоченным образом. Даже «порядок» не оправдывает разделения. Бытие не имеет частей.

οὔτε συνιστάμενον — «ни соединяющееся». συνιστάμενον — причастие настоящего времени среднего залога от συνίστημι (соединять, составлять). Если предыдущее σκιδνάμενον говорило о рассеивании, то συνιστάμενον говорит о противоположном процессе — собирании, соединении. Парменид отрицает оба. Бытие не распределяется и не соединяется, потому что оно уже есть **единство**, не нуждающееся ни в распределении, ни в соединении.

Грамматическая машина фиксирует это как L-NEG в дистрибутивном модусе: отрицаются две противоположные возможности, исчерпывающие все мыслимые способы изменения. Если бытие не может ни распределяться, ни соединяться, то оно вообще не может изменяться. Оно **неподвижно**. Это прямой переход к учению В8, где неподвижность бытия будет утверждена эксплицитно.

Логическая операция.

Фрагмент В4 выполняет три логические операции, связывающие предыдущие фрагменты (В2, В3) с последующими (В6, В7, В8).

Операция первая: введение умственного зрения как эпистемологического метода.

λεῖσσε... νόῳ — это не просто метафора. Это указание на то, что истина недоступна чувствам. Ее можно «увидеть» только умом. Логически это означает, что критерий истины не в ощущениях (как у Протагора: «человек есть мера всех вещей»), а в самом бытии, которое открывается уму. Платон в «Теэтете» покажет, что знание не может быть определено через ощущение. Аристотель в «Метафизике» скажет, что начало всех наук — ум (νοῦς), который схватывает первые принципы. Парменид задает направление: от чувственного — к умопостижаемому.

Операция вторая: доказательство единства бытия через невозможность разделения.

Если бытие было бы делимым, то между его частями существовало бы различие. Но различие предполагает, что одна часть есть, а другая... что? Тоже есть? Тогда они не различны по бытию. Или не есть? Тогда это не бытие. Единство бытия доказывается через невозможность его разделения без противоречия. Это прото-форма платоновского аргумента в «Пармениде» (первая гипотеза) и аристотелевского принципа непротиворечия. Если бытие можно разделить, то возникает вопрос о статусе границы между частями. Граница есть или не есть? Если есть, то она — часть бытия, и тогда разделение не состоялось. Если нет, то части не разделены. Парменид имплицитно использует этот аргумент.

Операция третья: отрицание становления как процесса.

Отрицание σκιδνάμενον и συνιστάμενον — это отрицание любого процесса, который мог бы изменить бытие. Распределение и соединение — единственные два способа, которыми вещь может измениться (либо распасться на части, либо собраться из частей). Парменид отрицает оба. Следовательно, бытие не возникает и не уничтожается, не увеличивается и не уменьшается, не меняет своего качества. Это подготовка к В8, где будет сказано: бытие «не возникло, не уничтожимо, целокупно, однородно, неподвижно и совершенно».

Метафизический результат.

Фрагмент В4 дает два метафизических результата, которые войдут в основное ядро парменидовской онтологии.

Результат первый: бытие едино и неделимо.

Это следствие запрета на разделение (οὐ γὰρ ἀποτιμήξει). Если бытие нельзя разделить на части, то оно едино. Это единство не есть единство множества (как у Платона в «Пармениде»,

где единое и многое сосуществуют). Это абсолютное, не допускающее никакой множественности единство. Плотин впоследствии назовет это «Единым» (τὸ ἓν), которое выше ума и бытия. Парменидовское бытие — это уже прообраз платоновского Единого, хотя у Парменида бытие и мышление тождественны, а у Платона Единое выше мышления.

Результат второй: умопостигаемое бытие нечувственно.

ἀλεόντα νόφ παρῶντα — отсутствующее (для чувств) присутствует (для ума). Это различение двух способов данности бытия станет основой платоновского χωρισμός (разделения мира идей и мира вещей). У Платона идеи «отсутствуют» в чувственном мире, но «присутствуют» для ума. Парменид еще не говорит о двух мирах, но уже задает два способа познания: чувственный и умственный. Чувствам бытие отсутствует, уму — присутствует.

Грамматическая машина: итоги по фрагменту В4.

В этом фрагменте Грамматическая машина фиксирует работу следующих операторов.

МЕТА: mode=proto — императив λεῖσσε как указание на необходимость особого, умственного способа зрения. Это мета-уровень: богиня учит не тому, что видеть, а **как** видеть.

В2-KATH: mode=proto — частица ὅμως («однако») как прото-форма аспектуального различения. Переход от чувственного к умственному требует смены аспекта.

А1-SUBST: mode=proto — τὸ εἶν (сущее) как субстантивированное причастие. Парменид продолжает использовать эту конструкцию, которая станет стандартной в платонической традиции (τὸ ὄν, τὸ εἶν, τὸ ἀγαθόν).

L-NEG: mode=absolute — οὐ γὰρ ἀποτμήξει — отрицание деления как онтологическая аксиома.

А3-SYNTH: mode=proto-identity — τὸ εἶν τοῦ εἶντος ἔχεισθαι — синтез как самопринадлежность бытия. Бытие держится за бытие, ни на миг не отпуская.

L-NEG: mode=distributive — οὔτε σκιδνάμενον... οὔτε συνιστάμενον — отрицание двух противоположных процессов, исчерпывающих все мыслимые изменения.

Связь с последующими фрагментами.

В4 завершает вводную часть учения, начатую в В2 и В3. Теперь установлены три фундаментальных тезиса:

Есть два пути: путь бытия и путь небытия. Третьего не дано (В2).

Бытие и мышление тождественны (В3).

Бытие едино и неделимо, не распределяется и не соединяется (В4).

Следующий фрагмент (В5) — один из самых загадочных и коротких, всего одна строка. Некоторые исследователи сомневаются в его подлинности, но Дильс-Кранц сохраняет его. Он говорит об общности бытия, которая, возможно, связывает В4 с В6, где богиня переходит к критике пути мнения.

После установления тождества мышления и бытия (В3) и неделимости бытия (В4) богиня переходит к фрагменту, который некоторые исследователи считают ключом ко всей парменидовской онтологии, а другие — позднейшей интерполяцией. Речь идет о фрагменте В5, в котором вводится понятие «общего» (ξυνόν).

Фрагмент DK В5: Общее бытия и мышления.

Греческий текст (полный фрагмент).

ξυνὸν δέ μοί ἐστιν, ὁπλόθεν ἄρξωμαι·
τόθι γὰρ πάλιν ἴξωμαι αὔθις.

Грамматическая разметка.

[A1-SUBST: mode=proto] ξυνόν

(субстантивация «общего» через срединный род прилагательного — прото-форма платоновского τὸ κοινόν)

[L-COP: mode=ontological] ξυνόν... μοί ἐστιν

(связка «есть» в сочетании с дативом лица: «для меня есть общее» — бытие как данность сознанию)

[META: mode=proto] ὁπλόθεν ἄρξωμαι

(«откуда бы я ни начал» — мета-оператор, указывающий на круговую структуру истины)

[A3-SYNTH: mode=circular] τόθι γὰρ πάλιν ἴξομαι αὖθις

(«ибо туда же я снова приду опять» — синтез как возвращение к тому же, круговая структура)

Грамматический разбор.

Строка 1: «Общее» как онтологическая категория.

ξυνόν — прилагательное среднего рода от ξυνός (общий, совместный). Это поэтическая форма, соответствующая классическому κοινόν. Парменид выбирает архаический вариант, что характерно для его гекзаметрического стиля.

Грамматически ξυνόν стоит в именительном/винительном падеже среднего рода без артикля. Это субстантивация через срединный род — одна из древнейших форм философской абстракции. В отличие от субстантивации через артикль (τὸ ξυνόν), которая будет доминировать в аттической прозе Платона и Аристотеля, парменидовская субстантивация более архаична и, возможно, более радикальна. Артикль еще не стал обязательным маркером субстантивации; сама позиция прилагательного в именительном падеже без определяемого существительного уже превращает его в имя.

μοί — датив лица, «для меня», «мне». Богиня говорит о себе в первом лице. Истина не является безличной, она дана **кому-то**. Датив лица указывает на адресата божественного откровения. Это грамматическое указание на то, что бытие познается не в безличном созерцании, а в диалогическом отношении между богиней и философом.

ἐστιν — связка «есть». Вместе с μοί и ξυνόν образует предложение: «Общее есть для меня». Но что означает «общее»?

ξυνόν в греческом языке может означать:

Общее как принадлежащее всем (τὸ κοινόν).

Общее как совместное, разделяемое несколькими субъектами.

Общее как тождественное, одно и то же для разных.

В контексте В3 (тождество мышления и бытия) и В4 (единство бытия) наиболее вероятно третье значение. «Общее» — это то, что остается одним и тем же, откуда бы ты ни начал. Это **инвариант**, точка, в которой все пути сходятся.

ὁπλόθεν ἄρξωμαι — «откуда бы я ни начал». ὁπλόθεν — относительное местоимение с неопределенным оттенком (откуда бы ни). ἄρξωμαι — конъюнктив аориста среднего залога от ἄρχω (начинать). Конъюнктив с неопределенным относительным местоимением указывает на **любую возможную точку начала**. Грамматически это обобщение: не существует привилегированной точки входа в истину. Любая точка ведет к той же самой истине.

Строка 2: Круговая структура истины.

τόθι γὰρ — «ибо туда» (наречие места с пояснительной частицей). πάλιν — «снова», «обратно». ἴξομαι — будущее время среднего залога от ἵκω (приходить, достигать). αὖθις — «опять», «вновь».

Вся фраза: «ибо туда же я снова приду опять». Это описание **кругового пути**. Если истина есть общее (ξυνόν), то, начав с любого места, ты вернешься к тому же самому. Путь не линейный (от А к Б), а циклический. Это чрезвычайно важное утверждение, которое будет развито в платонической традиции как учение о «круговороте» (περίοδος) — возвращении души к своему источнику.

Грамматическая машина фиксирует здесь А3-SYNTH в круговом модусе. В отличие от В3, где синтез был утверждением тождества (мышление = бытие), здесь синтез — это **структура пути**. Путь истины не имеет начала и конца в линейном смысле, ибо любое начало ведет к тому же концу, а конец совпадает с началом. Это прообраз неоплатонической концепции «процесса и возвращения» (πρόοδος καὶ ἐπιστροφή), где все сущее исходит из Единого и возвращается к Единому.

Логическая операция.

Фрагмент В5 выполняет одну фундаментальную логическую операцию: **утверждение изоморфизма всех точек входа в истину**.

Если истина есть нечто общее (ξυνόν), то нет никакой разницы, с какого утверждения начать. Любое истинное утверждение ведет ко всем другим истинным утверждениям. Система истин замкнута на себя и непротиворечива.

Это имеет следующие следствия.

Следствие первое: истина не иерархична. В платонизме будет иерархия: мнение ниже знания, знание математических объектов ниже диалектики, диалектика ведет к Благу. У Парменида этой иерархии нет. Есть два пути (бытие и небытие), но внутри пути бытия нет степеней. Все, что есть, есть в равной степени.

Следствие второе: знание не требует внешнего обоснования. Если истина циклическа, то не существует внешней точки опоры, с которой можно было бы обосновать всю систему. Система обосновывает сама себя своей внутренней связностью. Это прообраз когерентной теории истины, которая будет развита в немецком идеализме (особенно у Гегеля).

Следствие третье: философский дискурс может начинаться с любого места. Парменид не случайно говорит о начале (ἄρξωμαι). Поэма имеет начало (пролог), но внутри учения истины любое положение может служить началом. Платон в «Пармениде» (диалоге) сделает это правилом метода: рассматривать гипотезы, начиная с любого допущения. Аристотель в «Метафизике» будет искать абсолютное начало (τὸ πρῶτον), но Парменид уже знает, что начала нет — есть только круг.

Метафизический результат.

Фрагмент В5 дает два метафизических результата, которые часто недооцениваются в стандартных интерпретациях Парменида.

Результат первый: бытие есть общее (τὸ ξυνόν).

Это не просто «бытие есть». Это «бытие есть общее». Общее означает:

Общее для мышления и бытия (отсылка к В3).

Общее для всех частей бытия (отсылка к В4).

Общее для всех точек зрения (отсылка к В5).

Бытие не есть нечто, на что можно указать пальцем. Бытие есть **то, что остается одним и тем же**, когда меняется угол зрения, точка отсчета, способ описания. Это предвосхищает платоновское учение об идеях как о том, что «само по себе тождественно» (αὐτὸ καθ' αὐτὸ ταῦτόν), и аристотелевское учение о сущности как о том, что «не сказывается о подлежащем, но все остальное сказывается о ней».

Результат второй: истина имеет круговую структуру.

«Туда же я снова приду опять» — это не просто риторический оборот. Это утверждение о структуре истины. В платонической традиции эта идея разовьется в нескольких направлениях.

У Платона в «Федре»: душа, созерцающая идеи, движется по кругу небес (περιφορά).

У Аристотеля в «Метафизике»: божественный ум мыслит сам себя, и его мышление есть мышление мышления (νόησις νοήσεως) — круг.

У Плотина: ум возвращается к Единому, из которого исшел.

У Прокла: каждый уровень бытия имеет структуру «пребывание — исхождение — возвращение» (μονή — πρόοδος — ἐπιστροφή).

Все эти концепции кругового возвращения восходят к парменидовскому «туда же снова приду опять».

Дискуссия о подлинности фрагмента В5.

Некоторые исследователи (в том числе Бурнье, Коксон) сомневаются, что В5 принадлежит Пармениду. Аргументы против подлинности:

Фрагмент не цитируется ни у одного античного автора в явном виде (в отличие от В2, В3, В8, которые цитируются постоянно).

Язык В5 архаичен даже по меркам Парменида (ξυνόν вместо κοινόν, ὁπλόθεν вместо ὁλόθεν, ἴξομαι вместо ἥξω).

Содержание В5 не вписывается в стандартную интерпретацию Парменида как философа абсолютной неподвижности.

Аргументы за подлинность:

Цитата из В5 сохранилась у Прокла (In Parm. 694.21–23), что свидетельствует о том, что неоплатоники считали фрагмент подлинным.

Языковая архаика может быть следствием гекзаметрического стиля, а не позднейшей интерполяции.

Содержание В5 естественно вытекает из В4 и предваряет В6–В8.

Грамматическая машина не может окончательно решить вопрос о подлинности, но она фиксирует, что операторы А1-SUBST (ξυνόν), L-COP (μοί ἐστιν) и А3-SYNTH (круговая структура) полностью согласуются с операторным профилем Парменида, установленным на основе бесспорных фрагментов (В2, В3, В4, В8). Если В5 и интерполяция, то интерполятор был глубоко погружен в парменидовскую традицию и отлично понимал ее грамматико-онтологические механизмы.

Грамматическая машина: итоги по фрагменту В5.

В этом фрагменте Грамматическая машина фиксирует работу следующих операторов.

А1-SUBST: mode=proto — субстантивация прилагательного ξυνόν через срединный род. Это архаическая форма субстантивации, которая в аттической прозе будет заменена конструкцией с артиклем (τὸ κοινόν).

L-COP: mode=ontological — связка ἐστιν с дативом лица (μοί). Бытие не просто есть — оно есть для кого-то, оно дано сознанию.

META: mode=proto — указание на начало (ὁπλόθεν ἄρξομαι) как мета-оператор, определяющий структуру дискурса.

А3-SYNTH: mode=circular — синтез как круговая структура возвращения (τόθι γὰρ πάλιν ἴξομαι αὐθις). Это новый модус синтеза, не сводимый ни к тождеству (В3), ни к самопринадлежности (В4).

Связь с последующими фрагментами.

В5 служит мостом между учением о бытии (В2–В4) и критикой пути мнения (В6–В7). Если истина есть общее (ξυνόν) и имеет круговую структуру, то путь мнения, который блуждает, не возвращаясь к тому же, оказывается неистинным именно потому, что он лишен этой круговой замкнутости.

В следующем фрагменте (В6) богиня обратится непосредственно к слушателю, запрещая ему следовать путем мнения, и даст первую характеристику «ничего не знающих смертных».

Фрагмент DK В6: Путь мнения и ничего не знающие смертные.

Греческий текст (полный фрагмент).

χρή τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὼν ἔμμεναι· ἔστιν γὰρ εἶναι,
μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν· τά σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα.
πρώτης γάρ σ' ἀφ' ὁδοῦ ταύτης διζήσιος <εἵργω>,
αὐτὰρ ἔπειτ' ἀπὸ τῆς, ἣν δὴ βροτοὶ εἰδότες οὐδὲν
πλάττονται, δίκρανοι· ἀμηχανίη γὰρ ἐν αὐτῶν
στήθεσιν ἰθύνει πλακτὸν νόον· οἱ δὲ φορεῦνται
κωφοὶ ὁμῶς τυφλοὶ τε, τεθηπότες, ἄκριτα φύλα,
οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταῦτόν νενόμισται
κοῦ ταῦτόν, πάντων δὲ παλίντροπὸς ἐστὶ κέλευθος.

Γραμματική разметка.

[D2-TELOS: mode=deontic] χρή τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὼν ἔμμεναι
(«должно говорить и мыслить сущее быть» — долженствование как онтологическая
необходимость)

[A1-SUBST: mode=proto] τὸ λέγειν... νοεῖν... ἐὼν
(субстантивация говорения, мышления и сущего через артикль)

[L-COP: mode=ontological] ἔστιν γὰρ εἶναι
(«ибо есть быть» — абсолютная связка, повторение тезиса B2)

[L-NEG: mode=absolute] μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν
(«ничто же не есть» — запрет на небытие)

[META: mode=imperative] τά σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα
(«это тебе я повелеваю обдумывать» — богиня говорит от первого лица)

[C1-APAGOGUE: mode=proto] πρώτης γάρ σ' ἀφ' ὁδοῦ ταύτης διζήσιος <εἵργω>
(«от первого пути искания я тебя отвращаю» — отделение пути истины)

[A2-DIAER: mode=binary] αὐτὰρ ἔπειτ' ἀπὸ τῆς, ἣν δὴ βροτοὶ... πλάττονται
(«но затем от того, по которому смертные блуждают» — второй путь, путь мнения)

[F1-IMAGE: mode=pejorative] δίκρανοι
(«двуглавые» — пластическая модель ложного мышления)

[C3-APORIA-PSEUDOS: mode=proto] ἀμηχανίη γὰρ ἐν αὐτῶν στήθεσιν ἰθύνει πλακτὸν
νόον
(«беспомощность в их груди направляет блуждающий ум» — апория как причина
ошибки)

[F1-IMAGE: mode=pejorative] κωφοὶ ὁμῶς τυφλοὶ τε, τεθηπότες
(«глухие равно и слепые, изумленные» — пластическая модель невежества)

[A1-SUBST: mode=proto] ἄκριτα φύλα
(«неразличимые племена» — субстантивация)

[A3-SYNTH: mode=paradox] οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταῦτόν νενόμισται κοῦ ταῦτόν

(«для которых быть и не быть одно и то же именуется и не одно и то же» — синтез как смешение бытия и небытия)

[E1-GEN: mode=degenerative] πάντων δὲ παλίντροπός ἐστι κέλευθος
(«для всех же обратный путь есть» — генеалогия как описание блуждания)

Грамматический разбор.

Строка 1: Долженствование как онтологический императив.

χρή — безличный глагол, «должно», «необходимо». Это не эпистемическая необходимость (не «должно быть так, что...»), а деонтическая (предписывающая). Парменид не описывает, как устроено бытие, — он предписывает, как должно мыслить. Грамматическая машина фиксирует D2-TELOS в деонтическом модусе: цель мышления — быть, и эта цель дана как императив.

τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' — два субстантивированных инфинитива с артиклем τό (говорение и мышление). Артикль повторен дважды (τὸ... τε... τ'), что подчеркивает их самостоятельность. ἐὼν ἔμμεναι — «сущее быть». ἐὼν — сущее, ἔμμεναι — поэтический инфинитив от εἶμι (быть). Буквально: «должно говорение и мышление сущее быть».

Синтаксическая конструкция: инфинитивы λέγειν и νοεῖν являются подлежащими χρή, а ἐὼν ἔμμεναι — их предикатом. Смысл: акты говорения и мышления должны быть **самим сущим**, а не чем-то о сущем. Говорить и мыслить — значит непосредственно осуществлять бытие, а не описывать его со стороны.

ἔστιν γὰρ εἶναι — «ибо есть быть». Это абсолютная связка, повторяющая В2 (ἔστιν γὰρ εἶναι у Парменида, В2 строка 3). Бытие есть. Не «что-то есть», а само «быть» есть. Грамматически: инфинитив εἶναι (быть) в позиции подлежащего при связке ἔστιν. Субстантивированный инфинитив εἶναι становится тем, что есть. Это вершина парменидовской субстантивации: само «быть» есть.

Строка 2: Запрет на небытие и божественное повеление.

μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν — «ничто же не есть». μηδέν — отрицательное местоимение («ничто») в именительном падеже. οὐκ ἔστιν — связка с отрицанием. Утверждение, обратное В2: в В2 было οὐκ ἔστι μὴ εἶναι (небытия нет), здесь — μηδὲν οὐκ ἔστιν (ничто не есть). Синонимичные формулировки, подчеркивающие онтологическую пустоту небытия.

τά σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα — «это тебе я повелеваю обдумывать». τά — указательное местоимение, относится к предыдущему (что бытие есть, а небытия нет). σ' — сокращение от σέ (тебя), винительный падеж. ἐγὼ — я, богиня говорит от первого лица с эмфатическим местоимением. φράζεσθαι — инфинитив среднего залога от φράζω (обдумывать, размышлять для себя). Средний залог означает, что действие совершается в интересах субъекта. ἄνωγα — перфект с значением настоящего времени от ἄνωγα (приказывать, повелевать). Буквально: «это тебе я повелеваю обдумывать для себя».

Грамматическая структура: глагол приказа (ἄνωγα) управляет инфинитивом (φράζεσθαι) и дополнением (τά). Богиня не советует, не рекомендует, а **приказывает**. Истина не предлагается для обсуждения — она провозглашается с авторитетом, не допускающим возражений.

Строка 3: Отделение пути истины.

πρώτης γὰρ σ' ἀφ' ὁδοῦ ταύτης διζήσιος <εἶργω> — «ибо от первого пути искания я тебя отвращаю». πρώτης — родительный падеж женского рода от πρῶτος (первый). ὁδοῦ — родительный от ὁδός (путь). ταύτης — указательное местоимение (этого). διζήσιος — родительный от διζήσις (искание). εἶργω — «отвращаю», «запираю» (глагол, восстановленный по смыслу, так как в тексте лакуна).

Богиня отделяет путь истины (πρώτης ὁδοῦ διζήσιος — «первого пути искания»). Это указание на В2, где путь бытия был назван первым. Повествователь уже находится на этом

пути (его привезла колесница), но богиня подчеркивает, что он должен **оставаться** на нем и не сворачивать.

Строка 4: Второй путь — путь мнения.

αὐτὰρ ἔλειτ' ἀπὸ τῆς, ἣν δὴ βροτοὶ εἰδότες οὐδέν — «но затем от того, по которому смертные, ничего не знающие». αὐτὰρ — союз противопоставления («но», «однако»). ἔλειτα — «затем». ἀπὸ τῆς — «от той» (подразумевается ὁδοῦ, пути). ἣν — относительное местоимение (который). δὴ — усилительная частица. βροτοί — смертные (противопоставление богине и философу, который приобщается к божественному знанию). εἰδότες οὐδέν — причастие перфекта от οἶδα (знать) с отрицанием οὐδέν (ничего). Буквально: «знающие ничего».

Грамматическая форма εἰδότες — перфект, обозначающий состояние знания, достигнутое в прошлом и сохраняющееся в настоящем. Парменид иронически использует этот глагол для описания полного невежества. Смертные «знают», что они ничего не знают? Нет, они даже этого не знают. Они **находятся в состоянии знания**, но объект этого знания — ничто. Или, точнее, они знают небытие, принимая его за бытие.

Строка 5: «Двуглавые» — пластическая модель ложного мышления.

πλάττονται, δίκρανοι — «блуждают, двуглавые». πλάττονται — глагол среднего залога от πλάσσω (лепить, формировать, блуждать). Здесь в значении «блуждать», «вести себя неопределенно». Средний залог: они блуждают **для себя**, по своей воле, но эта воля ведет их в никуда.

δίκρανοι — прилагательное «двуглавые» (от δίς — дважды, и κράνος — голова, череп). Это F1-IMAGE в пейоративном модусе. Пластическая модель: у смертных две головы. Одна смотрит на бытие, другая — на небытие, но поскольку они не различают их, обе головы видят одно и то же смешение. У Платона этот образ превратится в учение о «между» (μεταξύ) — мнение находится между знанием и незнанием, бытием и небытием. У Парменида смешение мнения изображено как физиологический дефект: две головы вместо одной.

Строка 6: Апория как причина блуждания.

ἀμυχανίη γὰρ ἐν αὐτῶν στήθεσιν ἰθύνει πλακτὸν νόον — «ибо беспомощность в их груди направляет блуждающий ум». ἀμυχανίη — «беспомощность», «неспособность найти выход», «апория» (буквально: отсутствие пороса, пути). Это ключевое слово. Парменид впервые в истории философии использует термин, который станет центральным в платоновской диалектике. Апория — это не просто незнание, а активное состояние **неспособности найти путь**. Смертные находятся в апории, но не знают этого.

ἰθύνει — «направляет», «правит» (глагол ἰθύνω, родственник ἰθύς — прямой). πλακτὸν νόον — «блуждающий ум». πλακτός — прилагательное от πλάζω (заставлять блуждать). Ум не просто ошибается, он **блуждает** — движется без направления, без цели.

Грамматическая машина фиксирует C3-APORIA-PSEUDOS в прото-форме. Апория — не результат философского исследования (как у Платона в «Теэтете», где апория — продуктивный итог), а патологическое состояние, причина ложного мышления. Платон перевернет это: апория станет необходимым этапом очищения души перед восхождением к истине. Но Парменид остается в рамках элеатского монизма: апория — это просто ошибка, тупик, из которого нет выхода.

Строка 7: Глухие, слепые, изумленные.

κωφοὶ ὁμῶς τυφλοὶ τε, τεθιπότες, ἄκριτα φῦλα — «глухие равно и слепые, изумленные, неразличимые племена». κωφοὶ — глухие (не слышащие истины). τυφλοὶ — слепые (не видящие истины). ὁμῶς... τε — «равно и», подчеркивает симметрию дефектов. τεθιπότες — причастие перфекта от τίθω (изумляться, застывать в изумлении). Перфект указывает на состояние, которое длится: они постоянно изумлены, но это изумление не ведет к знанию, а застывает в себе.

ἄκριτα φῦλα — «неразличимые племена». ἄκριτα — от ἀ- (не-) и κρίνω (различать, судить). Племена смертных не могут различать бытие и небытие. Это грамматическая

форма A1-SUBST с отрицательной приставкой. Платон в «Софисте» покажет, что различие (κρίνειν) есть сущность диалектики. Парменид показывает, что его отсутствие есть сущность невежества.

Строка 8: Смещение бытия и небытия.

οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταὐτόν νενόμισται κοῦ ταὐτόν — «для которых быть и не быть одно и то же именуется и не одно и то же». οἷς — датив множественного числа от относительного местоимения (для которых). τὸ πέλειν — субстантивированный инфинитив от πέλω (быть, становиться). τὸ... εἶναι — субстантивированный инфинитив от εἶμι. ταὐτόν — стяженная форма от τὸ αὐτόν (одно и то же). νενόμισται — перфект от νομίζω (полагать, иметь обычаем, именовать). Перфект: это состояние, в котором они находятся, привычка, ставшая второй натурой. κοῦ ταὐτόν — καὶ οὐ ταὐτόν (и не одно и то же).

Смертные находятся в противоречии. Они считают, что бытие и небытие одно и то же, и одновременно — не одно и то же. Они утверждают противоположности и не замечают противоречия. Парменид изображает путь мнения как путь, на котором закон непротиворечия систематически нарушается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.